
 ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Николай МАРКЕЛОВ

ЛЕРМОНТОВ: КАВКАЗСКИЙ КОНТЕКСТ

Когда-то Белинский предрек роману «Герой нашего времени» бесконечно долгий срок читательского интереса. Да, творения литературной классики бессмертны. Однако за давностью лет теряются из вида важные подробности и детали, связанные с их созданием. Мы постараемся восстановить картину минувшего и расскажем о некоторых обстоятельствах в судьбе М. Ю. Лермонтова, отразившихся в творческой истории ряда его кавказских произведений.

«Им бог свобода, их закон — война...»

В молодые годы декабрист Александр Иванович Якубович несколько лет прослужил офицером на Кавказе и приобрел себе репутацию отчаянного храбреца. Когда в 1825 году в петербургской «Северной пчеле» под инициалами «А. Я.» была опубликована его статья «Отрывки о Кавказе. Из походных записок», то догадку о полном подлинном имени автора первым высказал Пушкин. Находясь у себя в Михайловском, он обратился с письмом к Александру Бестужеву, близкому другу Якубовича, прекрасно к тому же осведомленному в столичных литературных делах. «Кстати: кто написал о горцах в „Пчеле“? вот поэзия! Не Якубович ли, герой моего воображения? — спрашивал поэт. — Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе... Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде — поэма моя была бы лучше».

После декабрьского мятежа Якубович попал в сибирские рудники; Бестужеву удалось вымолить монаршее снисхождение: из якутской ссылки его перевели рядовым на Кавказ. На каторге Якубович с увлечением перечитывал кавказские повести Бесту-

---

Николай Васильевич Маркелов окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (1972). Место работы: старший научный сотрудник ГБУК Ставропольского края «Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова» (г. Пятигорск). Лауреат Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» (2012) за книгу «Кавказские силуэты», премия журнала «Нева» за лучшую публикацию года в номинации «Румяный критик мой» (эссеистика). Автор многочисленных книг о Пушкине и Лермонтове, более 600 публикаций о русских писателях на Кавказе и событиях Кавказской войны XIX века (журналы «Дон», «Литературное Ставрополье», «Мир музея», «Московский журнал», «Новое время», «Новый мир», «Нева», «Родина», «Рубеж», «Русская словесность» и другие).

жева (опубликованные под псевдонимом Марлинский) и просил его передать привет своим старым кавказским знакомцам. «Якубович благодарит тебя за поклон и приписку, — сообщал из Сибири Бестужеву брат Николай, — велит сказать, что ему снится и видится Кавказ...»

Особенно сильным оказалось впечатление от повести «Мулла-Нур», и восхищенный Якубович даже составил для Бестужева перечень различных примечательных событий кавказской жизни, известных ему по прежней службе, полагая, очевидно, что какая-либо из этих драматических историй послужит знаменитому писателю материалом для будущих творений. Среди прочего имеется в письме и такая заметка: «...братоубийство князя Рослам-бека Мисостова; адъютант Потемкина, человек образованный, — злодей, убийца; ступив на родную землю: грызение совести и раздел крови между убийцами, — вот канва для целого романа»¹. Здесь Якубович проявил тонкое литературное чутье, справедливо находя, что этот темный кровавый эпизод недавнего кавказского прошлого перо беллетриста способно развернуть в увлекательный роман. Он, разумеется, не мог и представить тогда, что произведение на этот сюжет уже написано, правда, не в прозе, а в стихах. Речь идет об одной из ранних кавказских поэм Лермонтова.

Поэма или, как сам автор определил ее жанр, восточная повесть «Измаил-Бей» — самое крупное стихотворное произведение Лермонтова, превосходящее по объему «Демона» и «Мцыри», вместе взятых. Главные герои — братья Измаил и Рослаббек, черкесские князья — имеют реальных прототипов, а изображенные события — историческую подоплеку. Что касается картин природы, описания быта горцев, их вооружения, обычаев и тому подобного, тут можно использовать формулу Пушкина по отношению к его же «Пленнику» — «местные краски верны». Автор предваряет свой рассказ замечанием, что историю борьбы и смерти Измаила ему поведал на Кавказе, где-то в горах «под камнем Рослаббека», некий старик чеченец:

Темны преданья их. Старик чеченец,
Хребтов Кавказа бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал...

Действие начинает развиваться в районе Пятигорья, куда из России возвращается Измаил. О нем становится известно, что был «отцом в Россию послан Измаил», что «четырнадцать лет оставил он края, где был воспитан и рожден», и еще то, что «служил в российском войске Измаил». Путника поражает пустынный вид края, где еще недавно в цветущих мирных аулах жили «черкесы». Причиной происшедшей перемены явилось нашествие опасного врага:

Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужих?
Гнев Магомета? Прорицанье?
О нет! Примчалась как-то весть,
Что к ним подходит враг опасной,
Неумолимый и ужасной...

¹ Азадовский М. К. О литературной деятельности А. И. Якубовича. — Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. — М., 1956. С. 278.

Скрывшись от русских в Аргунском ущелье, горцы, возглавляемые князем Рослабком, наносят оттуда мстительные удары:

Черкес готовил дерзостный набег,
Союзники сбирались потаенно,
И умный князь, лукавый Рослабкек,
Склонялся перед русскими смиренно,
А между тем с отважною толпой
Станицы разорял во тьме ночной...

Измаил появился среди соплеменников в канун решительного выступления и, став их предводителем, вызывает зависть Рослабкека. В повествование вплетается линия Зары, полюбившей Измаила. Переодевшись в мужское платье, она под именем юноши Селима повсюду сопровождает князя. Однажды ночью у костра Измаила ищет спасения русский офицер, его бывший соперник в любви к русской девушке; впоследствии в сражении на Оссаевском поле между ними происходит поединок: выстрелив из пистолета, офицер дает промах, а Измаил наносит ему шашкой смертельный удар. Война длится два года; русские теснят горцев:

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор...

В финале поэмы предательскую пулю в грудь Измаилу посылает Рослабкек — «жестокий брат, завистник вероломный!» Черкесы, пытаясь обмыть смертельную рану, обнаружили на груди князя крест и, приняв своего вожака за отступника мусульманской веры, осыпают его бранью:

Гремучий ключ катился невдали.
К его струям черкесы принесли
Кровавый труп; расстегнут их рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою;
И грудь обмыть они уже хотят...
Но почему их омрачился взгляд?
Чего они так явно ужаснулись?
Зачем, вскочив, так хладно отвергнулись?
Зачем? — какой-то локон золотой
(Конечно, талисман земли чужой),
Под грубою одеждою измятой,
И белый крест на ленте полосатой
Блистали на груди у мертвеца!..
« — И кто бы отгадал? — Джяур проклятой!
Нет, ты не стоил лучшего конца;
Нет, мусульманин верный — Измаилу
Отступнику не выроет могилу!..»

Поэма Лермонтова, разумеется, не хроника исторических событий, и его Измаил не во всем похож на своего прототипа. Но выбор поэта здесь не случаен: романтические мотивы его ранних произведений требовали ярких образов и необычных обстоятельств. Незаурядная личность и причудливая судьба реального Измаила, стоявшего в центре многих важных событий на Пятигорье и в Кабарде, как нельзя лучше подходили для этой цели.

Князь Измаил Атажуков (иногда встречается написание Атажукин, в кабардинском звучании — пши Исмель Хатакшоко) происходил из знатного кабардинского рода. Год рождения Измаила неизвестен, предположения же биографов весьма расходятся в определении этой даты: называют и 1750-й, и 1771 год. В юности он был послан отцом в Россию, хотя последний никакими симпатиями к северным соседям никогда не отличался. Измаил, как полагают, был просто выдан русским в качестве аманата (то есть заложника), что являлось обычной практикой тех лет. Такими же аманатами были, например, и двоюродные братья Измаила — Темирбулат и Рослаббек Мисостовы. В России Измаил получил светское и военное образование, служил в Бугском казачьем полку и за отличия при штурме Очакова удостоился чина подполковника. В качестве одного из «депутатов и посланников народов кавказских» состоял в свите Г. А. Потемкина, который лично ходатайствовал о нем перед Екатериной II: «Исмаил бей, из лутчей фамилии кабардинской, подполковник в службе Вашего Императорского Величества, ревностно и храбро служивший под Очаковым и штурме оногo, желает оказать себя противу шведов, и его отправляя, всеподданнейше прошу о награждении его убранныю каменьями медалью»². За храбрость, проявленную при взятии Измаила, князь по представлению А. В. Суворова был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, и его имя впоследствии было вырезано на одной из мраморных досок в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.

Когда в 1794 году Атажуков вернулся в Кабарду, там сложилась напряженная обстановка: притеснения со стороны русских военных властей вызывали протесты населения. Управляющий Кавказской областью И. В. Гудович счел за лучшее выслать отсюда в Екатеринославскую губернию Измаила и еще двух офицеров-кабардинцев, в том числе и его родного брата майора Адильгирея Атажукова³. Адильгирей бежал из ссылки в Крым и, вернувшись оттуда в Кабарду, возглавил борьбу против русских. Измаил же предпочел обратиться с прошением к Павлу I, ответный рескрипт которого ничего в судьбе князя не изменил. И только с воцарением Александра I с Атажукова сняли опалу: он был произведен в полковники и получил разрешение вернуться на родину. Предполагалось и назначение Измаила командиром Кабардинского гвардейского эскадрона. Некоторые сведения об этом сообщает в первом томе «Кавказской войны» В. А. Потто: «Князь Цицианов также писал Александру о пользе содержать в Петербурге лейб-гвардии конный кавказский эскадрон и даже предлагал в коман-

² Косвен М. О. Кабардинский патриот Измаил Атажуков / Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. — М.: Издательство восточной литературы, 1961. С. 131.

³ В основательной работе М. О. Косвена «Кабардинский патриот Измаил Атажуков» приводятся исторические документы о лицах (в том числе Измаиле), «сосланных в 795 году за оказанную в усердии к службе российской ненадежность для житья в Новороссийске» (Косвен М. О. Указ. соч. С. 133). Поясним, что речь идет, разумеется, не о современном Новороссийске, которого в указанный период еще не существовало, а о городе Екатеринославе, переименованном после смерти Екатерины II указом Павла I в Новороссийск. Именно так город именовался в 1796—1802 годах, потом, уже после смерти Павла, вновь получил свое прежнее название и уже в 1926 году был переименован в Днепрпетровск. См. об этом: Кузьменко Александр. Забытые названия // Петербургский коллекционер. 2007. № 5. С. 56.

диры его полковника Измаил-бея, отлично знавшего русский язык, но дело не было приведено в исполнение, сколько из-за финансовых соображений, столько же, если не более, от неумения внушить кабардинцам доверие к этому новому для них делу»⁴.

Измаил предпочел вернуться на родину. Известно, что он несколько раз обращался к властям по поводу кавказских дел. В 1804 году Атажуковым была составлена «Записка о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные», в которой утверждалось, что «усмирить силою сих горских жителей никогда возможности не будет». Измаил же предлагал путь «добровольного покорения»: Россия должна была сначала привлечь на свою сторону кабардинский народ в качестве благого примера остальным. Одной из первоочередных мер он называл при этом возвращение кабардинцам земель, отрезанных у них с устройством Кавказской линии. Однако командующий на Кавказе генерал П. Д. Цицианов отозвался, что это предложение «превышает меру дерзости», а об авторе его высказался в том смысле, что «Измаил-бей, который, живя столько в С.-Петербурге и имея чин российского полковника, более для нас вреден, нежели полезен, и вообще почти можно заметить, что кто из кабардинцев побывает в России, а особливо получив какие-либо награждения, возвратится в Кабарду, то много теряет уважения от своих собратий, как и сей Измаил-бей, сколько в Кабарде ни сильна его фамилия, доселе не мог приобрести себе доверия от своих единоверцев»⁵.

Когда осенью того же 1804 года Измаил вернулся на родину, он оказался здесь в сложной ситуации, еще более драматичной, чем герой лермонтовской поэмы. Покинув Кабарду почти двадцать лет назад, теперь он был не только чужой среди своих, но и среди чужих тоже не свой. Он чувствовал опасность со стороны враждебно настроенных к России кабардинских князей, в том числе — своего двоюродного брата Росламбека Мисостова. Известен документ — «Письмо кабардинских эфендий генерал-майору Дельпоцо», в котором мусульманское духовенство требовало выдачи Измаила для разбирательства в шариатском суде. В то же время и местные военные власти не доверяли ему до конца, хотя Атажуков официально был направлен сюда для службы на Кавказской линии. Он был даже подвергнут аресту, а его кош близ горы Бештау уничтожен. Один из кавказских генералов, пристав при кабардинском народе И. П. Дельпоцо характеризует его в осуждающем смысле: «Владелец полковник Измаил Атажуков служил в армии и был послан вместе с тем в Екатеринослав; после того долго жил в Петербурге; пожалован кавалером ордена святого великомученика Георгия 4-го класса и бриллиантовой медалью; говорит и пишет по-русски и по-французски и имеет жалованья 3000 рублей. Получивши столь много милостей, как бы надлежало мыслить о нем? Правда, что он живет в Георгиевске, но в прочем все напротив: он жену свою держит в Кабарде, сына родного, который имеет 10 лет отроду, отдал на воспитание одному своему узденю, молодому и весьма глупому человеку. Когда едет в Кабарду, снимает с себя крест, медаль и темляк: положит в карман»⁶.

Черный шелковый темляк с серебряными каймой и кистью был в то время обязательной принадлежностью офицерского холодного оружия. Тем более понятно и нежелание Атажукова, находясь среди соплеменников-мусульман, носить на груди знак отличия в виде креста. Вспомним, что и лермонтовский Измаил прятал свою награду под одеждой. «Белый крест на ленте полосатой», то есть эмалевый орден на черно-оранжевой георгиевской ленте, который черкесы ошибочно приняли за символ

⁴ Потто В. А. Кавказская война. — Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 1. С. 652.

⁵ Туганов Р. У. Измаил-Бей. — Нальчик: Эльбрус, 1972. С. 71.

⁶ Косвен М. О. Указ. соч. С. 137.

принадлежности христианству, на самом деле есть давняя боевая награда Измаила, «Георгий» 4-й степени.

В отличие от героя лермонтовской поэмы Измаил Атажуков никогда не переходил в стан противников России. Напротив, он не оставлял усилий, чтобы убедить своих соотечественников в необходимости прочного союза с северным соседом, исходя при этом вовсе не из абстрактных соображений «дружбы народов» и не из слепой преданности российскому престолу. Атажуков проявил себя как трезвый прагматик, дальновидно оценивая сложившуюся в регионе геополитическую реальность. В речи, произнесенной на народном собрании кабардинцев в мае 1805 года, он призывал их оставить междоусобные распри и «замешательства противу России»:

«Богатство, силы и могущество российского государства невероятны, оно имеет тридцать шесть миллионов жителей и, если государь захочет, почти третья часть оно-го могут быть воинами. Положение нашего края подле сильного государства должно обратить все наше внимание, дабы сохранить себя и пользоваться нашим имуществом в спокойствии. Поверьте мне, любезные соотечественники, что нам, не потеряв разума, нельзя и думать раздражать сих сильных соседей... Вы сами знаете, что турецкая империя, нам единовенная, в совершенной слабости и готова уступить во всем сильным соседям, христианским державам. Персия, хотя и магометанского закона, но нам противного раскола, вся в раздроблении... Откровенно вам скажу, что сия видимая опасность заставила меня, не окончивши моего ходатайства за народ кабардинский пред престолом всероссийского государя, поспешить к вам и сказать, как самовидцу, что российское правительство теряет терпение, видя народ наш уклонившимся от порядка. Я видел готовые громы упасть на главы наши. Остановитесь, несчастные народы...»⁷

Дальнейший ход истории подтвердил правоту Измаила, Россия установила свое безраздельное владычество на Кавказе. Иное дело, что имперские амбиции военных властей, требовавших от кабардинцев безусловного послушания и подкреплявших эти требования потоками пролитой крови, а с другой стороны, и «воинственный разбой», который исповедовала значительная часть горской феодальной знати, вели к тому, что грозное зарево Кавказской войны полыхало еще несколько десятилетий, и в ее бесконечных битвах, в череде прочих русских писателей, принимал участие и сам автор «Измаил-Бея».

Двоюродный брат Измаила — князь Рослаббек Мисостов также некоторое время жил в России, где содержался в качестве аманата. Сохранилось письмо командующего кавказскими войсками П. С. Потемкина (от 19 декабря 1782 года) к отцу Рослаббека, извещавшее его о положении сына: «В бытность мою в Астрахани видел я вашего сына, находящегося залогом, которого, принимая в крепость св. Георгия, и буду содержать при себе, как собственно своего сына. Между тем препровождаю к вам от него письмо. Ежели вы захотите послать к нему родительское свое благословение, сие послужит много к обрадованию его. Я могу вас удостоверить, что сын ваш в рассуждении остроты и разума обещает много, и что из него может быть весьма полезный человек...»⁸

Подобно Измаилу, Рослаббек состоял и среди горских «депутатов» при светлейшем князе Г. А. Потемкине-Таврическом и дослужился до чина полковника. Однако дальнейшие его действия показали, что он вполне оправдывает эпитеты, которые сопровождают имя Рослаббека в лермонтовской поэме: лукавый, злобный, жестокий, вероломный.

Интересный эпизод, вполне характеризующий Рослаббека, находим в мемуарах графа А. Х. Бенкендорфа. Этот хорошо всем известный николаевский шеф жан-

⁷ Там же. С. 140—141.

⁸ Туганов Р. У. Указ. соч. С. 141.

дармов молодым офицером участвовал в экспедиции генерала Е. М. Спренгпортена, посланной Александром I для военно-стратегического осмотра России. В 1803 году экспедиция побывала на Кавказе:

«Мы направились вдоль пограничной кавказской линии и остановились в Георгиевске, главном городе Кавказской губернии. Вся эта пограничная линия защищает наши южные губернии от беспокойных и разбойных жителей Кавказских гор... Проехали в Константиногорск, маленькую крепость у подножия пяти гор, именуемых Бештау, примерно в 20 верстах от Георгиевска. Здесь находятся *сернистые горячие воды*, которые привлекают сюда великое множество самых разных больных. Мы оставили генерала и его супругу согреть их любовь в сере, а сами отправились еще на добрых 30 верст дальше, к минеральным водам, именуемым *кислыми водами*, которые имеют много сходства с водами Зельцера. Там мы обнаружили *общество на водах*, радушно предложившее нам разделить с ними их развлечения. Один полк стрелков и два казачьих полка охраняли здесь источники и больных и защищали их от посягательств *черкесов*, которые с крайним неудовольствием смотрят на это чужеземное заведение, расположенное в их горах. Здесь я познакомился с одним черкесским князем, именуемым Росламбек, братом Исмаил-бека, который служил в наших войсках и был в тот момент в Петербурге. Сам Росламбек имел чин полковника и получал довольно значительную пенсию, но поскольку он уже несколько раз воевал против нас, то большого доверия к его лояльности не было. Тем не менее, я с удовольствием принял его княжеское предложение поехать с ним на добрые 30 верст в горы, увидеть его жилище, его воинов и его сестру, которая слыла красавицей. Надо сказать, здесь почти невозможно увидеть ни одну черкешенку, а их красота столь славится, что я пренебрег предостережениями, которые мне делали, об опасности, подстерегающей русских в горах, к тому же еще несколько молодых людей присоединились к нам. Мы ехали несколько часов по горам мимо живописных селений и наконец прибыли в селение нашего князя. Он дал в нашу честь очень хороший обед на манер своей страны, показал нам своих лошадей, свое оружие и только мельком — свою сестру, у которой мы, правда, смогли рассмотреть фигуру, которая была великолепно, как у всех черкешенок — их элегантное одеяние дает возможность показать ее. Потом мы вновь оседлали коней, и по сигналу — стрелы, которую Росламбек самолично пустил из своего лука на невероятную высоту, более 400 черкесов в кольчугах и шлемах, вооруженных различным оружием прискакали к нам во весь опор. Это была кавалерия наивысшего уровня, самая искусная и наилучшим образом вооруженная из всех, какие только могут быть. Наблюдая с самодовольным видом, как мы любовались его войском, князь заметил нам, как бы между прочим, что у нас всего один конвой казаков. После того, как нам показали их манеру ведения боя и как точно они стреляют по цели во время скачки во весь опор из ружья, из пистолета и из лука, он так же церемониально проводил нас в наш лагерь, где все уже отчаялись вновь увидеть нас живыми и дружно укоряли нас за такое легкомыслие. Между прочим, этот самый Росламбек два года спустя разбил две роты наших стрелков, лишил двух пушек и объявил себя навсегда самым непримиримым врагом России»⁹.

Росламбек если и не стремился в данной ситуации захватить опрометчиво отдавшихся его власти русских офицеров, то, во всяком случае, имел полную возможность это сделать. И, судя по его словам о немногочисленном казачьем конвое, сопровождавшем наших искателей приключений, испытывал все же некоторые колебания, прежде чем окончательно перейти свой черкесский Рубикон, которым в пределах реального кавказского ландшафта служила пограничная Кубань. Имеется и продолжение

⁹ Граф А. Х. Бенкендорф. Мое путешествие в земли полуденной волшебные края // Наше наследие. 2004. № 72. С.100.

этой истории. Несколько страниц измене Росламбека посвятил в первом томе «Кавказской войны» В. А. Потто, где речь идет о весенней экспедиции 1804 года генерала Г. И. Глазенапа: «С самого начала похода в русском отряде был виден кабардинский князь Росламбек Мисостов, считавшийся полковником в лейб-гвардии казачьем полку и принадлежавший к одной из лучших кабардинских фамилий. Вдруг, к общему изумлению, он скрылся из лагеря. Оказалось, что Росламбек бежал за Кубань вместе с подвластными ему аулами, и что мотивом к тому послужила канла — кровомщение за смерть родного племянника, убитого в одном из кабардинских набегов на Линию». За Росламбеком отрядили в погоню егерский полк. У Каменного моста в верховьях Кубани произошло кровопролитное сражение. Егеря вынуждены были отступить и на переправе потеряли в реке артиллерийское орудие. Росламбек неожиданно вступил в переговоры, изъявляя желание примириться и вновь служить русскому царю. Он обещал даже поднять из воды затонувшее орудие. На деле же все обернулось новой изменой и нападением из засады с большими потерями для русских. «Росламбек, — заканчивает Потто, — остался в горах и с тех пор сделался одним из самых отчаянных и бешеных абреков»¹⁰.

Но опасная острота отношений Измаила и Росламбека определялась не только их различным расположением к России. Современный биограф Измаила приводит сведения о документе — рапорте генерала П. А. Текелли генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину-Таврическому от 14 апреля 1788 года, в котором сообщалось «о серьезных разногласиях в роде Атажукиных по поводу раздела крепостных, что чуть было не привело к убийству детей Мисоста Боматовича Атажукина, а именно Атажуки Мисостовича и лермонтовского Росламбека Мисостовича»¹¹.

Давняя распря двух ветвей одного рода завершилась в конце концов кровавой развязкой. Вероятно, именно этот «раздел крови» имел в виду Якубович, когда писал Бестужеву из Сибири на Кавказ. Впрочем, беглое и довольно невнятное изложение этой истории Якубовичем не позволяет толковать его заметку однозначно, неясной остается даже ключевая фраза — «братоубийство князя Росламбека Мисостова»: трудно понять, был ли убит Росламбек братом или же сам совершил подлое братоубийство, как об этом повествует Лермонтов в поэме. Лермонтовская версия (Росламбек — убийца Измаила) долгое время сомнений не вызывала. Так, известный советский лермонтовед С. А. Андреев-Кривич, не имея никаких документальных ее подтверждений, высказал тем не менее осторожное предположение о том, что «Лермонтов был окружен людьми, которые могли настолько хорошо знать обстоятельства жизни и деятельности Измаил-Бея, что они, эти люди, могли сообщить такие факты, которые не получили широкой огласки»¹².

Лермонтов, разумеется, знал о своем герое несколько больше того, что мог рассказать ему безвестный «старик-чеченец». Со временем нашлись и факты, не получившие «широкой огласки», но совершенно противоположные догадкам Андреева-Кривича. Сегодня, основываясь на документальных данных, можно судить уже о том, насколько далеко от реальности увела поэта его фантазия. Глубокий знаток истории и этнографии Кавказа М. О. Косвен разыскал важное свидетельство, проливающее свет на обстоятельства гибели Росламбека. Это записка 1837 года полковника П. П. Чайковского, служившего в 1830—1840 годах на Кавказе, а некоторое время и в Пятигорске, то есть вблизи всех происходивших событий: «Славный кабардинец Арслан-бек Мисостов, полков-

¹⁰ Потто В. А. Указ. соч. С. 616—617.

¹¹ Туганов Р. У. Указ. соч. С. 11.

¹² Андреев-Кривич С. А. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. — Нальчик, 1949. С. 44.

ник нашей службы, с европейским образованием, осыпанный щедротами императора Александра благословенного и ласками кавказского начальства. Он ушел за Кубань, привел в сильное движение горцев и наносил ужас на русских своими удалыми набегами. Он застрелен своим родственником чрез подкуп от нас»¹³.

Более того, в книге Р. У. Туганова «Измаил-Бей» приводится еще один документ, датированный декабрем 1813 года и не оставляющий уже никаких сомнений в насильственной смерти Росламбека: «Его убили в генваре месяце 1812 года по приказу его родственника Измаила Бея и в его присутствии в самое то время, когда он был приглашен им на дружескую пирушку; сам Измаил вскоре после того умер в Георгиевске; они оба имели титул полковников в Российской службе»¹⁴.

После смерти Измаила его боевая награда, «Георгий» 4-й степени, была возвращена в капитул ордена. Как видим, Лермонтов довольно свободно обращался с «историческим материалом», имея в виду особые художественные цели. Избрав Измаила своим главным героем, он до последних строк поэмы сохранял логику созданного образа: защитником отечества от сильного и опасного врага поэт хотел видеть отважную и гордую натуру, не запятнавшую себя низким предательством и коварством. Об этом, собственно, и говорит лермонтовский Измаил Росламбеку перед лицом соплеменников:

«Я не разбойник потаенный;
Я видеть, видеть кровь люблю;
Хочу, чтоб мною пораженный
Знал руку грозную мою!
Как ты, я русских ненавижу,
И даже более, чем ты;
Но под покровом темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной стране,
Иную славу надо мне!»

Следовал ли неотступно Лермонтов тем сведениям, которые у него имелись, или смело вносил изменения в реальную судьбу Измаила — в любом случае он смог добиться в своем творении высокого художественного эффекта. Вспомним запись Льва Толстого в дневнике, сделанную под впечатлением лермонтовской поэмы: «Я нашел начало Измаил-Бея весьма хорошим. Может быть, это показалось более потому, что я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикой, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода». И хотя Лермонтов не предназначал поэму для печати, многие ее строфы поражают выразительностью и силой:

И дики тех ущелий племена,
Им бог свобода, их закон — война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;

¹³ Косвен М. О. Указ. соч. С. 146.

¹⁴ Туганов Р. У. Указ. соч. С. 159.

Там поразить врага не преступление,
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.

Именно эти лермонтовские строки однажды с большим чувством процитировал в телеинтервью ныне покойный президент Ичкерии Джохар Дудаев. Покойный ли? Темны преданья их...

«Пока русские будут говорить русским языком...»

Сезон 1837 года на Кавказских Водах выдался на редкость удачным, а в литературном смысле даже перспективным: Белинский познакомился в Пятигорске с Лермонтовым и впоследствии мог по личным наблюдениям судить о реалистических достоинствах «Княжны Мери». В это же время минеральные ванны принимал здесь и штаб-ротмистр Отдельного Кавказского корпуса Лев Пушкин. «Здесь в Пятигорске служит брат Пушкина, Лев Сергеевич; — отозвался о нем Белинский в пятигорском письме, — должен быть, пустейший человек»¹⁵.

Трудно понять, по какой причине, но кавказские офицеры ему вообще не понравились: «Что за лица, что за рожи съехались в Пятигорск... — восклицал он. — А господа офицеры! Боже мой, я теперь начинаю ценить их настоящим образом»¹⁶. Возможно, тут виною и сам Лермонтов, затеявший с критиком притворно-серьезный диспут по поводу французской философии. Вот как этот эпизод передает в своих мемуарах их общий знакомый Н. М. Сатин:

«Лермонтов приходил ко мне почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать... В одно из таких посещений он встретился с Белинским. Познакомились, и дело шло ладно, пока разговор вертелся на разных пустячках; они даже открыли, что оба — уроженцы города Чембара (Пензенской губ.).

Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На столе у меня лежал том записок Дидерота; взяв его и перелистав, он с увлечением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно он в то время читал. Такой переход от пустого разговора к серьезному разбудил юмор Лермонтова. На серьезные мнения Белинского он начал отвечать шуточками; это явно сердило Белинского, который начинал горячиться; горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души и сыпал разными шутками.

— Да я вот что скажу вам об вашем Вольтере, — сказал он в заключение, — если бы он явился теперь к нам в Чембар, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернеры.

Такая неожиданная выходка, впрочем, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд посмотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты.

Лермонтов разразился хохотом... Так встретились и разошлись в первый раз эти две замечательных личности. Через два или три года они глубоко уважали и ценили друг друга»¹⁷.

¹⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1956. Т. XI. С. 159.

¹⁶ Там же. С. 137.

¹⁷ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. С. 250—251.

По поводу размолвки двух великих людей, тогда еще очень молодых, существуют разные мнения. Дело в том, что Сатин писал воспоминания в 1865 году, то есть спустя почти тридцать лет после изложенных событий. Иногда считают, что его подвела память и ироничные слова Лермонтова о Вольтере на самом деле принадлежат Белинскому. В других случаях упрекают Сатина в недобром отношении к поэту и даже в злонамеренном искажении истины, ибо по его словам выходило, что Лермонтов отождествлялся с Белинским как с «недоучившемся фанфароне», а тот в свою очередь «иначе не называл Лермонтова как *пошляком*»¹⁸.

Известно, что оба они одновременно посещали Московский университет, так что могли, вероятнее всего, даже знать друг друга в лицо. Белинский был зачислен туда в 1829 году, Лермонтов — годом позже. Но «недоучился» не только Белинский, они оба не окончили курса: Лермонтов в 1832 году подал прошение об увольнении, так как собирался поступать в Юнкерскую школу в Петербурге, а Белинский действительно был тогда же отчислен «по слабому здоровью и притом по ограниченности способностей».

Собственно говоря, и сам факт знакомства поэта и критика на квартире Сатина в Пятигорске и содержание их спора, приведшего к ссоре, нигде более не зафиксированы, как в воспоминаниях последнего. Тем не менее мы находим возможным предположить, что дальние отголоски этой пятигорской полемики сохранились как на страницах повести «Княжна Мери», так и в одном из писем Белинского той поры, датированном 7 августа 1837 года.

Свое рассуждение о странностях собственной судьбы Печорин завершает следующей сентенцией: «Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее, как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?..»

Такой же по смыслу (и столь же риторический по сути) вопрос задает своему адресату и Белинский: «Что за польза будет для тебя, если ты будешь знать дела всей Европы лучше самого Талейрана или Меттерниха, а сам будешь столоначальником в сенате или секретарем в земском суде?»¹⁹

В обоих случаях фраза строится на несоответствии высоких интеллектуальных запросов индивидуума, мечтающего о мировой славе, жалкому реальному предназначению, уготовленному ему судьбой. Как помним, столь же разительный социальный контраст заключен и в словах Лермонтова (или, по существующей версии, Белинского) о Вольтере, чья громкая европейская известность не обеспечила бы ему в России даже места провинциального гувернера. Что же касается роли Вольтера как великого просветителя, то у нас, что хорошо было известно им обоим, с нею легко мог справиться любой фельдфебель. Вероятно также и то, что оба эти изречения (в повести «Княжна Мери» Лермонтова и в пятигорском письме Белинского), с упоминанием великих имен и низких должностей и при всей их афористичности, представляют собой лишь отзвук перетолкованных пушкинских слов из «Путешествия в Арзрум»: «Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротой, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в „Московском телеграфе“».

Окончив курс лечения на водах, поэт с наступлением осени отправился на побережье Черного моря, в свой эскадрон. Но боевые действия были уже остановлены, и войска готовились к встрече императора Николая. «...Я приехал в отряд слишком

¹⁸ Кулешов В. И. К вопросу о достоверности «Воспоминаний Н. М. Сатина» // Проблемы изучения и преподавания творчества М. Ю. Лермонтова; М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. С. 554—555.

¹⁹ Белинский В. Г. Указ соч. С. 150—151.

поздно, — с огорчением сообщал Лермонтов другу, — ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два, три выстрела... я сделался ужасным бродягой, а право я расположен к этому роду жизни». 29 сентября в укреплении Ольгинском он получил предписание следовать в свой полк и подорожную «до города Тифлиса».

На Кавказе Лермонтов задумал цикл повестей, связанных между собой общим героем. Замысел возник не вдруг; впервые герой, то есть русский офицер, служащий на Кавказе, появляется в одной из ранних поэм, восточной повести «Измаил-Бей». По имени он не назван, о нем известно лишь то, что ранее, еще в России, он был соперником черкесского князя в любви к русской девушке. Теперь противники встречаются вновь, и Измаил поступает благородно, обогрев заблудившегося офицера у своего ночного костра. Далее, в сражении русского отряда с черкесами, наступает развязка: в поединке офицер дает промах, а князь наносит ему смертельный удар шашкой.

В неоконченной повести «Княгиня Лиговская» наш герой обретает имя. Напомним также, что и князь Звездич, молодой офицер из «Маскарада», собирался отправиться служить на Кавказ. Теперь все совпало: герой известен, и перед ним открыто поле деятельности, которое щедрый автор готов наполнить сюжетами, почерпнутыми из собственной фантазии и свежих кавказских впечатлений.

Замысел кавказского романа был, между прочим, и у Пушкина. В сентябре 1831 года он набросал отрывок, представляющий собой начальные страницы крупного, как можно судить, произведения в прозе, рисующие сборы московской барыни и ее дочери на Кавказ: «В одно из первых чисел апреля 181... года в доме Катерины Петровны Томской происходила большая суматоха. Все двери были растворены настежь; зала и передняя загромождены сундуками и чемоданами; ящики всех комодов выдвинуты; слуги поминутно бегали по лестницам, служанки суетились и спорили; сама хозяйка, дама 45 лет, сидела в спальне, пересматривая счетные книги...»

Причину столь дальней поездки объясняет сама Томская: «Доктора объявили, что моей Маше нужны железные воды, а для моего здоровья необходимы горячие ванны. Вот уже полтора года, как я все страдаю, авось Кавказ поможет». Героиня кавказского романа — «девушка лет 18-ти, стройная, высокая, с бледным прекрасным лицом и черными огненными глазами».

Представление о дальнейшем развитии действия можно получить из многочисленных планов, составленных Пушкиным. Как прежде поэма «Кавказский пленник», так и новый прозаический сюжет разворачивается на Горячих водах. Героиня получает имя Алины, сюжетные ходы тут постоянно варьируются, но общее направление, хотя бы приблизительно, понять можно. Основная интрига строится на противоборстве двух главных героев — бретера и картежника Якубовича и раненого кавказского офицера Гранева, недавно побывавшего в плену у горцев. В ряде случаев он даже назван в набросках Кавказским Пленником. Оба противника, чем-то напоминающие будущих Швабрина и Гринева из «Капитанской дочки», добиваются любви Алины. Якубович с помощью знакомого узденя подстраивает нападение черкесов на воды и похищает Алину, увезя ее в аул. Гранев спасает ее. Их соперничество завершается дуэлью, а в одном из вариантов — и смертью Якубовича. Предполагался эпизод, возвращающий нас к сюжету поэмы «Кавказский пленник»: Якубович предает Гранева черкесам, а черкешенка освобождает его. Все события, так или иначе, связаны с курортной жизнью на водах. Здесь и больные, жаждущие исцеления, и лекаря; и калмыцкие кибитки, в которых приезжие обитали за недостатком жилья; и излюбленные развлечения водяного общества — карточная игра и прогулки верхом к Бештау (cavalcade, как пишет об этом Пушкин).

Все изложенное напоминает сюжет лермонтовской «Княжны Мери», где соперничество двух героев, оспаривающих любовь хорошенькой московской княжны, также оканчивается дуэлью и смертью одного из них. Подобное сходство обнаруживают и женские персонажи: княгиня Лиговская, как и Томская, — «женщина сорока пяти лет», которой прописаны горячие Ермоловские ванны. Ее дочь Мери (то есть Мария, Маша — как первоначально и у Пушкина) — молоденькая, стройная, наделенная магнетической силой глаз, в которых иногда блещет «самое восхитительное бешенство». У Лермонтова, правда, горцы никого на водах не похищают, но тем не менее ночная стычка Печорина с Грушницким и драгунским капитаном, закончившаяся криками и ружейной пальбой, спровоцировала в городе толки и о нападении черкесов. В замысле Пушкина, а потом и на страницах «Княжны Мери» нам представлен один и тот же (с разницей всего лишь в несколько лет) житейский материал — дни и заботы «водяного общества» на Кавказе.

Композиция романа «Герой нашего времени», если рассматривать ее пространственно, представляет собой две скрещенные линии: одна «от Кизляра до Тамани» и другая от Тифлиса до Ставрополя, что вполне согласуется с маршрутами кавказской одиссеи поэта. Центром, то есть местом пересечения этих линий, служит Владикавказ, именно здесь мы впервые встречаемся с Печориным и узнаем о нем уже не со слов Максима Максимыча, здесь он представлен как реально действующее лицо.

Большой крови Лермонтов еще не видел, и война в его романе проходит только приглушенным фоном. Мужские персонажи здесь в большинстве офицеры Кавказского корпуса. О Максиме Максимыче мы знаем, что служить он начал еще при Ермолове, получив при нем два чина за дела против горцев. Лет десять он стоял с ротой в Чечне, в крепости за Терекком, у Каменного Брода. С Грушницким главный герой успел побывать в экспедиции; в действующем отряде тот получил ранение пулей в ногу. В Пятигорске у источника Печорин замечает, что «несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли, бледные, грустные». Боевые действия не затрагивают, разумеется, района Горячих или Кислых вод, но дыхание близкой войны ошутимо и здесь: это и казаки на сторожевых вышках в степи и пикетах, и часовые на валу кисловодской крепости, да и убитого на поединке Грушницкого условлено отнести «на счет черкесов». Тема оружия то и дело мелькает на страницах «Героя», играя важную роль в ряде ключевых эпизодов, да и кончается все повествование рассуждением Максима Максимыча об особенностях черкесских винтовок и шашек.

Имея в виду современные читательские запросы, роман можно бы представить и как «криминальное чтиво»: все-таки четыре убийства (Бэлы, ее отца — старого князя, Грушницкого и Вулича), ряд покушений (главного героя, например, сначала хотят утопить в Черном море, потом подло, то есть практически безоружного, застрелить на дуэли, а когда это не удается, Грушницкий грозит зарезать его ночью из-за угла, и, наконец, пуля пьяного казака в «Фаталисте» срывает ему с плеча эполет). Молодую женщину похищают и склоняют к сожительству, потом похищают вновь и убивают ударом кинжала. Еще контрабанда, кражи, подслушанные заговоры, погони... К тому же повествование построено так, что автор-рассказчик как будто проводит следствие: опрашивает очевидцев, раскапывает «компромат» в виде интимных записок героя, а при личной встрече с ним составляет его словесный портрет.

Тут следует вспомнить, что начинался роман когда-то с тифлисской главы. Во всяком случае, сохранился листок, исписанный лермонтовской рукой, начинающийся словами «Я в Тифлисе» и содержащий план повести, действие которой протекает в различных местах грузинской столицы. Повествование ведется, как и в дневнике Печорина, от первого лица, а именно от лица служащего на Кавказе русского офицера. На-

бросок этот, в двадцать пять строк, и есть, скорее всего, самый ранний творческий импульс к написанию «Героя нашего времени». Как бы там ни было, И. Л. Андроников, внимательно изучивший этот отрывок, пришел к выводу, «что из записи „Я в Тифлисе“ родились сюжеты обеих повестей — и „Тамани“ и „Фаталиста“ — и что эта запись представляет собой самый первоначальный план записок Печорина»²⁰.

Едва приметные отголоски этой задуманной, но не осуществленной Лермонтовым тифлисской главы сохранились в окончательном тексте романа. Максим Максимыч, завершая свой рассказ о Печорине, замечает, что месяца три спустя после гибели Бэлы тот был назначен в егерский полк и уехал из Чечни в Грузию. Встретив же какое-то время спустя своего старого приятеля во Владикавказе, Максим Максимыч опять-таки говорит ему, что думал найти его в Грузии, вновь соотнося какие-то оставшиеся неизвестными нам события с пребыванием Печорина в этом краю. Что именно там могло происходить, становится известно из лермонтовского наброска.

Русский офицер в поисках любовного приключения увязывается за грузинкой. Она обещает ему свою благосклонность, но требует за это вынести из ее дома труп. Герой бросает покойника в Куру, предварительно сняв с него кинжал. Потом ему делается дурно, его находят и относят на гауптвахту. Дом грузинки он забыл. Тогда кинжал предъявляют оружейнику Геургу, который говорит, что делал его русскому офицеру. От денщика этого офицера узнают, что тот долго ходил по соседству к одной старухе с дочерью, но дочь вышла замуж, а через неделю офицер пропал. Таким образом, история с загадочным мертвецом объяснилась, но опасные похождения нашего героя еще не окончены. Грузинка и ее муж выслеживают его. Ночью муж нападает на него и пытается сбросить с моста, но офицер опережает его в этом намерении. Как видим, и здесь в развитии сюжета главенствует детективный элемент: два убийства, покушение на убийство, сокрытие следов злодеяния, слежка, поиски места преступления, опрос свидетеля и даже вещественная улика, которая приводит к разгадке, — кинжал убитого офицера, опознанный оружейным мастером.

О Грузии Лермонтов не забывал никогда, много раз возвращался туда мыслью и, по-видимому, хотел побывать там вновь. Этот настойчивый интерес легко прослеживается по ряду его произведений и писем. С Грузией связан и самый масштабный замысел Лермонтова — исторического романа «с Тифлисом при Ермолове», план которого был уже составлен, о чем поэт рассказывал в Пятигорске Михаилу Глебову буквально в последний час своей жизни. Почему же в таком случае он отказался от первоначального, тифлисского, сюжета в «Герое»? Об этом остается только гадать. Возможно, поэтом уже владели новые мысли, а скорее всего, избыток восточной экзотики, который так отчетливо заметен в наброске, просто не соответствовал основной идее его реалистического романа. И Лермонтов, без сожаления отбросив обветшалые романтические лохмотья, предоставил своим героям любить и страдать у целебных ключей Пятигорья, где сам провел гораздо больше времени, чем в Грузии.

19 февраля 1840 года чиновник Петербургского цензурного комитета Петр Корсаков закончил чтение рукописи, представленной молодым гвардейским офицером. Вещица эта с несколько претенциозным названием была Петру Александровичу знакома и раньше: именно он цензуровал столичный журнал «Отечественные записки», где роман печатался по частям. Речь там шла о любовных похождениях одного кавказского офицера, не более того, и с политической стороны все обстояло вполне благонадежно. Вымарав проформы ради несколько строчек, где автор имел слишком смелое суждение о делах потугосторонних, Корсаков сделал пометку: «Печатать позволяется» — и отложил перо в сторону. Тревожно заныло, затрепетало чувствительное

²⁰ Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. — М.: Художественная литература, 1968. С. 339.

цензорское сердце. И — не обмануло. Выпущенное в свет сочинение в типографии Ильи Глазунова отпечатали быстро: в середине апреля первая тысяча экземпляров появилась на прилавках. А вскоре книга легла и на стол высочайшего цензора всей России — государя императора Николая Павловича...

Белинский, вспоминая пятигорское лето, в рецензии на роман заметил, что «бывшие там удивляются непостижимой верности, с какою обрисованы у г. Лермонтова даже малейшие подробности», и осторожно намекнул на военную ситуацию в регионе: «Тут не одни черкесы: тут и русские войска и посетители вод, без которых не полна физиономия Кавказа...» В оценке Лермонтова великий критик проделал довольно стремительную эволюцию. В одном из его писем той поры звучат еще снисходительно-одобрительные нотки: «Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь...»²¹ В том же 1840 году в своей пространной, даже огромной, статье о «Герое», равной по объему «Тамани», «Княжне Мери» и «Фаталисту», вместе взятым, Белинский хотя и нашел отдельные «недостатки художественности», но уже пересказал роман полностью и, что называется, близко к тексту, а многие страницы выписал целиком и, более того, высказал сожаление, что размеры статьи не позволяют ему выписать еще больше. Спустя три года, уже после смерти поэта, в рецензии на третье издание «Героя» Белинский писал об этой книге, что «никто и ничто не помешает ее ходу и расходу — пока не разойдется она до последнего экземпляра; тогда она выйдет четвертым изданием, и так будет продолжаться до тех пор, пока русские будут говорить русским языком...»²²

Николай же усмотрел в романе только одно светлое пятно — характер Максима Мыксимыча. Вторую часть нашел «отвратительной, вполне достойной быть в моде». Сентенция, изложенная монархом в письме к императрице, прозвучала резко и раздраженно: «Люди и так слишком склонны становиться ипохондриками или мизантропами, так зачем же подобными писаниями возбуждать или развивать эти склонности! Итак, я повторяю, по-моему, это жалкое дарование, оно указывает на извращенный ум автора...»²³ Проницательнее же всех из критиков оказался вдруг Фаддей Булгарин, в «Северной пчеле» сразу назвавший «Героя» лучшим романом на русском языке. Говорят, что злодея «подогрела» бабушка поэта, Е. А. Арсеньева, послав ему свеженький томик и пятьсот рублей ассигнациями в придачу.

На первых же страницах своего пятигорского дневника, набрасывая психологический абрис Грушницкого, Печорин предрекает уже и роковую развязку их отношений: «Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать». Дальнейшее развитие событий претворяет этот прогностический тезис в жизнь или, в данном случае лучше сказать, в смерть. Антагонизм героев по ходу сюжета достигает высшей, буквально экстремальной степени. «Нам на земле вдвоем нет места...» — говорит Грушницкий за мгновение до того, как с пулею в груди навсегда исчезнуть с уступа отвесной скалы. Дуэль (как действие) была для прозы тех времен ситуацией почти неизбежной, обойтись без нее в «Герое» Лермонтов не мог. Но поединок с Грушницким лишь частный случай той круговой конфронтации, которая и составляет сущность отношений Печорина с другими персонажами романа.

В «Тамани» он выдерживает опасную схватку с ундиной в лодке, когда ее сильный толчок едва не сбрасывает его в море. Действия противоборствующих сторон или,

²¹ Белинский В. Г. Указ соч. С. 508.

²² Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1955. Т. VIII. С. 118.

²³ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. С. 487.

словами героя, «отчаянная борьба» достигает здесь «сверхъестественных усилий». Из удовольствия, как говорит Печорин, подчинять своей воле все, что его окружает, он затевает и свой притворный роман с Мери, легко переиграв в психологическом поединке наивную московскую княжну. Дикарка Бэла — пленница русского офицера и находится в русской крепости. Поступки Печорина тут более всего и напоминают правильную осаду. Согласно комментарию Максима Максимыча, «долго бился с нею Григорий Александрович». Потом, этот странный спор о предопределении с Вуличем, метафизический поединок, когда один из противников ставит на кон двадцать червонцев, а другой собственную жизнь. Разве что доктор Вернер не захвачен конфронтацией, но он — доверенное лицо героя, его секундант. Да Максим Максимыч, заведомо отдавший себя воле победителя: «Что прикажете делать? Есть люди, с которыми непременно должно соглашаться».

Враждебные отношения Печорина и Красинского в неоконченной «Княгине Лиговской» также, предположительно, должны были разрешиться дуэлью. В «Маскараде», «Казначейше» и «Штоссе» поединок ведется за карточным столом. О «Калашникове» за очевидностью ситуации можно, кажется, только упомянуть. Одна из самых впечатляющих сцен в поэме «Мцыри» — бой с барсом. Противники, человек и зверь, принадлежат разным мирам, но «упоение в бою» уравнивает их. Звериный статус барса несколькими штрихами легко дезавуирован («Он застонал, как человек...», «Он встретил смерть лицом к лицу...»). Мцыри в то же время осознает себя в схватке более зверем, чем человеком:

Я пламенел, визжал, как он;
 Как будто сам я был рожден
 В семействе барсов и волков
 Под свежим пологом лесов.
 Казалось, что слова людей
 Забыл я...

В череде испытаний, посланных автором своему герою, бой с барсом — высшее, самое драматичное, хотя эпизод, кажется, и не предопределен логикой сюжета; это поединок в чистом виде, турнирный или, если угодно, даже ритуальный. Все эти примеры столкновений, столь разных в конкретном воплощении, но единых по сути, говорят уже о способе художественного мышления Лермонтова, коренящемся в свойствах его личности. Перескакивая через многочисленные признания современников о несносном, трудном, дурном характере поэта, напомним читателю лишь одно, принципиально важное, высказывание А. И. Герцена: «В отличие от Пушкина Лермонтов никогда не искал мира с обществом, в котором ему приходилось жить: он смертельно враждовал с ним — вплоть до дня своей гибели»²⁴.

В частной жизни Лермонтов был столь же неуступчив. Современник передает рассказ Н. П. Колюбакина, кавказского знакомого Лермонтова (впоследствии генерала, а в то время молодого офицера; многие видят в нем прототип Грушницкого): «Колюбакин рассказывал, что их собралось однажды четверо, отпросившихся у Вельяминова недели на две в Георгиевск, они наняли немецкую фуру и ехали в ней при okazji, то есть среди небольшой колонны, периодически ходившей из отряда в Георгиевск и обратно. В числе четверых находился и Лермонтов. Он сумел со всеми тремя своими попутчиками до того перессориться на дороге и каждого из них так оскорбить, что все трое ему сделали вызов, он должен был наконец вылезть из фургона и шел

²⁴ Там же. С. 136.

пешком до тех пор, пока не приискали ему казаки верховой лошади, которую он купил. В Георгиевске выбранные секунданты не нашли возможным допустить подобной дуэли: троих против одного, считая ее за смертоубийство, и не без труда уладили дело примирением, впрочем, очень холодным»²⁵.

Знаменитый бретер Руфин Дорохов (его историю записал А. В. Дружинин) поведал, как при первом знакомстве с Лермонтовым дело у них тоже едва не дошло до дуэли: «На каком-то увеселительном вечере мы чуть с ним не посчитались очень крупно, — мне показалось, что Лермонтов трезвее всех нас, ничего не пьет и смотрит на меня насмешливо»²⁶.

Во время поединка молодой Барант нанес поэту незначительную царапину на груди или ниже локтя (сведения расходятся). В объяснительном письме на имя командира лейб-гвардии Гусарского полка Н. Ф. Плаутина сам Лермонтов рисует дело так: «Так как господин Барант почитал себя обиженным, то я предоставил ему выбор оружия. Он избрал шпаги, но с нами были также и пистолеты. Едва успели мы скрестить шпаги, как у моей конец переломился, а он мне слегка оцарапал грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрелять вместе, но я немного опоздал. Он дал промах, а я выстрелил уже в сторону...» Сидеть под арестом на этот раз пришлось в Ордонанс-гаузе, а потом и на Арсенальной гауптвахте. Барант, вздумавший вдруг оспорить слова Лермонтова о выстреле в воздух, был приглашен поэтом для личных объяснений и под угрозой нового поединка признал себя совершенно удовлетворенным.

Сидя под арестом, Лермонтов написал картину «Вид Кавказа». Душою он часто уносился к «синим горам», и память кавказских странствий стала выплескиваться на бумагу: «Дары Терека», «Демон» и «Мцыри», одна за другой выходят повести «Бэла», «Фаталист» и «Тамань». Готовятся к печати книги: «Стихотворения» и «Герой нашего времени». «Просился на Кавказ, — пишет он в это время Марии Лопухиной, — отказали, не хотят даже, чтобы меня убили».

16 апреля 1840 года Белинский посетил Лермонтова «в заточении» и вскоре поведал свои впечатления в письме к Василию Боткину: «Кстати: дуэль его — просто вздор, Барант (салонный Хлестаков) слегка царапнул его по руке, и царапина давно уже зажила. Суд над ним кончен и пошел на конфирмацию к царю. Вероятно, переведут молодца в армию. В таком случае хочет проситься на Кавказ, где готовится какая-то важная экспедиция против черкес. Эта русская разудалая голова так и рвется на нож...»²⁷

За дуэль с французиком генерал-аудиториат склонялся к разжалованию Лермонтова в рядовые, с лишением чинов и дворянства, но — «на все есть манера», как сказано в «Герое». Столь суровый приговор — лишь повод проявить монаршее милосердие. Тут стоит привести еще свидетельство человека, знавшего Лермонтова на Кавказе в 1840—1841 годах. Это декабрист Николай Иванович Лорер. После провала восстания он, как и другие его товарищи, был арестован и доставлен на допрос к Николаю. «Государь слушал меня внимательно, — вспоминает Лорер, — и вдруг, подойдя ко мне, быстро взял меня за плечи, повернул к свету лампы и смело посмотрел мне в глаза. Тогда движение это и действие меня удивило, но после я догадался, что государь, по суеверию своему, искал у меня глаз черных, предполагая их принадлежностью истых карбонариев и либералов, но у меня он нашел глаза серые и вовсе не страшные. Вот причина, по которой позже Николай сослал Лермонтова — он не мог видеть его взгляда...»²⁸

²⁵ Там же. С. 356—357.

²⁶ Там же. С. 328.

²⁷ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1956. Т. XI. С. 510.

²⁸ Лорер Н. И. Записки декабриста. — М., 1931. С. 94.

Из Петербурга поэта выслали снова, вторично исключив из гвардии, и, что особенно унижительно, его, кавалериста, на этот раз отправили в пехоту, в армейский Тенгинский полк. «Счастливого пути, господин Лермонтов, — бросил вдогонку царь Николай, — пусть он очистит себе голову...»

Родина бывает только одна

Не многие, думается, из современных русских читателей догадываются, что лермонтовский Мцыри, один из самых ярких и любимых персонажей отечественной классики, по национальности — чеченец! Написав когда-то в детстве, в подражание Пушкину, «Кавказского пленника», теперь Лермонтов ситуацию совершенно перевернул: пленником у него становится не русский, а горец. Мцыри, конечно, чеченец не этнический, а, можно сказать, литературный. Для Белинского он — «пленный мальчик черкес» (черкесами тогда часто называли всех горцев), у Шевырева — «чеченец, запертый в келью монаха», а в советской критике появилась уже и совершенно отвлеченная формула — «юноша-горец». В пространной статье, посвященной «Лермонтовской энциклопедией» поэме «Мцыри», одним из ключевых слов в толковании ее смысла является слово «родина». Но что же это за «родимая страна», «где люди вольны, как орлы», и в надежде вновь обрести которую герой совершает свой отчаянный побег из стен монастыря? Об этом в статье не сказано ничего.

Сам Лермонтов нигде в тексте поэмы о национальной принадлежности своего героя определенно не говорит, но по ряду деталей о ней можно все-таки судить. Вспомним сцену поединка с барсом и слова Мцыри: «Как будто сам я был рожден / В семействе барсов и волков...» Все это замечательно перекликается со строками «илли» — чеченской героической песни:

Мы родились той ночью,
Когда щенилась волчица,
А имя нам дали утром
Под барса рев заревой...

(Перевод Николая Тихонова)

Известно, что в поэме Лермонтова отразилась судьба выдающегося художника Петра Захаровича Захарова. По рождению Захаров чеченец, его родной аул Дады-Юрт в наказание за набеги и в назидание всей остальной незамирной Чечне в 1819 году был уничтожен русскими войсками.

Облитого кровью ребенка, взятого из рук умирающей матери, солдаты доставили Ермолову, который захватил мальчика с собой в штаб-квартиру корпуса. Об этом потом в поэме «Мцыри» и упомянул Лермонтов:

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести...

Первоначально автор избрал эпиграфом к поэме французское изречение: «On n'a qu'une seule patrie» (Родина бывает только одна), но впоследствии заменил его строкой из Библии.

Пленника Ермолов крестил и передал под присмотр казаку Захару Недоносову, откуда пошла и фамилия — Захаров. Когда мальчик подрос, его взял на воспитание двоюродный брат Ермолова — генерал Петр Николаевич Ермолов, командир 21-й пехотной дивизии.

Обнаружив незаурядные способности, Захаров учился в Петербургской Академии художеств, завершив курс с серебряной медалью. Стал профессиональным живописцем, за портрет Ермолова, выполненный в 1843 году, был удостоен звания академика. На портрете Ермолов изображен как человек своей эпохи, а вернее, как человек и эпоха, то есть личность столь же грандиозная, как кавказские горы за его спиной, а эпоха — столь же грозная, как черное грозное небо над ними.

Для исполнения портрета Захаров должен был перебраться из Петербурга в Москву, испросив предварительно согласия генерала. В письме к П. Н. Ермолову от 9 января 1842 года художник изложил свою просьбу: «Скажу Вам, что одному из молодых художников Академия задала программу, на золотую медаль, Алексей Петрович отбивает руду под Бородиным, и я желал бы, чтобы представить Академии для программы на Академика портрет Алексея Петровича, только надо узнать, согласен ли будет он оказать мне такую милость, если согласен, напишите мне...»²⁹

Согласие было дано, работа над полотном заняла более года. В августе 1843 года портрет был представлен художником на рассмотрение совета академии и, получив высокую оценку, поступил впоследствии в Императорский Русский музей.

В 1912 году в Петербурге, к столетнему юбилею Бородинской битвы, выпустил в свет свою «историческую монографию» Федор Уманец. Книга носила название «Проконсул Кавказа» и была украшена репродукцией портрета Ермолова кисти Захарова. В конце книги автор поместил короткую заметку «О его портрете», где приводил беглое и, по-видимому, первое в литературе описание этой живописной работы:

«На левой стороне портрета, внизу, читаем надпись: „П. Захаровъ из Чеченцевъ. 1843, 16 августа“. Следовательно, когда рисовал Захаров, Ермолову 66 лет, и он уже 16 лет в бездействии.

Темой несколько загадочного ландшафта, образующего фон портрета, по-видимому, служат горы, среди которых когда-то протекала деятельность Проконсула. В исполнении заметно желание художника все внимание сосредоточить на лице и позе. Мало заботы об аксессуарах...

Несомненно, в лице П. З. Захарова русская школа имела большую художественную силу, и можно только удивляться, почему он остался мало известным большой публике, а его биография — так тесно связанная с выдающимися людьми и событиями того времени и касающаяся нашего — остается неизвестной даже в общих чертах. Чеченец и ничего более»³⁰.

Чеченец и ничего более. Эти недоуменные слова, венчающие и заметку, и всю книгу, вполне справедливы. Увы, мы ленивы и нелюбопытны. Должно было пройти еще долгих полвека, прежде чем появилось сколько-нибудь подробное монографическое исследование, посвященное первому чеченскому художнику-академику. В 1963 году в городе Грозном вышла книга Н. Ш. Шабаньянца «Жизнь и творчество художника П. З. Захарова», содержащая уже более детальное описание захаровского шедевра:

«Портрет А. П. Ермолова — одно из самых значительных произведений П. З. Захарова, очень интересная по замыслу, сложная по композиции и блестящая по исполнению работа. Фон портрета — грозное, непокорное небо, гордые вершины Кавка-

²⁹ Шабаньянц Н. Ш. Жизнь и творчество художника П. З. Захарова. — Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. С. 63.

³⁰ Уманец Ф. М. Проконсул Кавказа. — СПб., 1912. С. 115–116.

за — и это создает тревожное настроение, как бы вводит нас в обстановку бурных лет Кавказской войны. А. П. Ермолов показан человеком сильной воли. Генерал, герой Отечественной войны 1812 года, изображен опирающимся на саблю, одетым в зеленый мундир с орденами и в синего цвета рейтузы. В этом портрете П. З. Захаров как бы собрал всю энергию своей темпераментной кисти, передав доступными ему живописными средствами правдивый образ генерала. Художник не исключает и приема тщательной детализировки (хотя бы в описании орденов), что требует большого умения и даже виртуозности.

Во всем облике старого боевого генерала-полководца, в крепкой его фигуре, в суровом лице, в его глубокой сосредоточенности раскрываются большая сила воли, мужество, ум, а также и жестокость.

Этим произведением художник показал свой профессиональный опыт, способность к созданию целостной композиции, тонкое чувство формы, умелое сочетание рисунка и колорита.

Внизу красными буквами он подписал: „П. Захаров — из чеченцев, 1843 года, 16 августа“³¹.

Скажем еще об одном отрадном явлении. В 1976 году в городе Грозном вышел в свет скромный сборник «Академик живописи П. З. Захаров». Правда, при всем том, что авторы этого научного труда постарались с разных сторон осветить жизнь и творчество художника, портрету Ермолова уделено там всего несколько строк. Строк, несомненно, интересных и заслуживающих внимания, с обилием положительных и даже превосходных эпитетов и характеристик, но все же оставляющих впечатление чего-то не до конца ясного и недосказанного.

«В портретах П. З. Захарова, — постепенно подводит нас к своему главному тезису автор, — ощутима заметная разница с точки зрения традиций их исполнения. По ним можно судить о сложном, противоречивом характере его портретного творчества. Его рисунок строг, точен, почти ювелирен. Безупречна техника, которой живописец владеет в совершенстве. Ему присуща мягкая и тонкая разработка светотени... Наряду с композицией, казалось бы, именно рисунок во многом позволяет судить о самом существенном в методе П. З. Захарова: о его строгости и утонченной безупречности в следовании натуре. Но это не так. При ближайшем знакомстве с портретами кисти Захарова выясняется, что живопись его сложна по образному решению и замыслу»³².

Все это хорошо. Понятно, что Захаров — сложившийся, зрелый мастер. Он точен и строг, но одновременно — сложен и противоречив, что, впрочем, всегда свойственно гению в искусстве. И далее уже о главном — о портрете Ермолова, но коротко и неопределенно:

«Яркое тому доказательство — своеобразный по композиции и блестящий по технике и колористическому исполнению портрет А. П. Ермолова, который скорее можно отнести к произведениям драматизированного жанра, нежели просто портрета. Вернее, в нем сочетаются черты того и другого жанра, что делает это произведение особым и примечательным».

Не только «особым и примечательным», это сказано слишком слабо. Портрет Ермолова — высшее художественное достижение Захарова, вершина его творчества. Портрет легендарного воителя, рождавшийся под его кистью, никак и не мог быть «просто портретом», ибо обстоятельства создания этого произведения исключительны. По одну сторону полотна находился воин, герой, вождь, еще недавно державший

³¹ Шабаньянц Н. Ш. Указ. соч. С. 30–31.

³² Здесь и далее: Академик живописи П. З. Захаров. — Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. С. 37–38.

в своих железных руках судьбы народов Кавказа, по другую — творец-художник, горец, пленный чеченец, потерявший и свою родину, и всех близких, для которого жестокой «рукой судьбы» оказался тот, кто теперь стоял перед ним. И от кисти Захарова теперь всецело зависело то, в каком виде этот исторический персонаж предстанет на суд потомков.

Именно поэтому портрет Ермолова — не только художественное, но и нравственное достижение, свидетельствующее о высоком благородстве Захарова, художника и человека. В созданном им образе генерала нет ни попытки угодливо польстить всецельному проконсулу Кавказа, ни мстительного желания поквитаться с ним за причиненные страдания. Есть только неумолимая правда искусства. Художник не только мастерски и предельно честно «следовал натуре», отразив во внешнем облике Ермолова черты его незаурядной личности, но и сумел наложить на эти черты печать полной драматизма судьбы опального полководца.

Задача, стоявшая перед Захаровым, и без того непростая, осложнялась еще и тем, что публике уже хорошо был известен портрет Ермолова работы английского художника Джорджа Доу, законченный в 1825 году и помещенный в Военной галерее Зимнего дворца. Это прекрасный парадный поясной портрет и, очевидно, лучший из всей подборки военных портретов, изображавших героев 1812 года. Здесь художник умело использовал все выигрышные особенности и детали. На портрете полководец повернут к зрителю боком, взят даже немного со спины. Его строгий медальный профиль особенно выразителен в солнечном свете, на фоне темных туч, покрывающих небо. Разворот фигуры генерала, его стремительный орлиный взор, резкая игра света и тени — все это делает работу Доу особенно впечатляющей и динамичной.

Известен и поколенный вариант этого портрета, где Ермолов изображен в косматой бурке, накинутой на правое плечо. Левой рукой генерал опирается на рукоять сабли. На заднем плане видна череда сверкающих горных вершин. Впоследствии с этого портрета были выполнены две гравюры — Теодора Райта и Ивана Пожалостина, широко разошедшиеся по России. Вероятно, об этом портрете вспомнил Пушкин, рассказывая о личной встрече с пребывающим в отставке проконсулом Кавказа: «С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом».

Захаров же, нисколько не уступив своему английскому собрату в искусстве живописи, намного превзошел его как мастер психологического портрета. Да, некоторые детали, запечатленные на полотне, заставляют вспомнить работу Доу. Горный ландшафт за спиной генерала; его левая рука точно так же опирается на рукоять сабли; темное небо точно так же оттеняет львиную гриву теперь уже белых, седых волос полководца. Но, как ни странно, именно эти сходные детали только подчеркивают принципиальное различие, существующее между двумя портретами.

Наш художник имел перед Доу то неоспоримое преимущество, что глубины создаваемого образа мог достичь (и, несомненно, достиг!) прежде всего за счет собственных, накопленных в течение жизни представлений о личности Ермолова. На полотне он сумел передать внушительный облик генерала, отразив в нем всю мощь его исполинской и властной натуры. Суровое, хмурое лицо повернуто к зрителю. Тяжелый, подавляющий взгляд; выдержать долго такой взгляд невозможно, и, может быть, поэтому он направлен не прямо на зрителя, а чуть в сторону. В лице генерала читается оттенок недовольства, неудовлетворенности или даже горечи. В то время когда соз-

давался портрет, Ермолов давно находился не у дел и был лишен реальной власти. Но у Захарова он по-прежнему полон сил и несгибаемой воли, по-прежнему неуступчив и упрям. Вместе с тем художник сумел обозначить в чертах Ермолова его высокий статус государственного и военного деятеля, статус «великого мужа», каким полководец предстает не только на своих портретах, но и на страницах русской литературы, в произведениях В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Заметим также, что у последнего упоминание имени Ермолова перекликается, как правило, с темой Чечни: «Как при Ермолове ходили в Чечню, в Аварию, к горам...» И пожалуй, трудно подобрать лучшую, чем этот портрет кисти Захарова, иллюстрацию к строкам лермонтовского стихотворения «Спор»:

От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки...
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой...

Считаем нелишним привести выдержку из книги известного лермонтоведа Э. Э. Найдича с метким наблюдением о том, как в портрете Ермолова символически отразилось пересечение трех судеб: самого художника, изображенного им героя и — автора поэмы «Мцыри»:

«Блестящий талант сделал его лучшим портретистом после Карла Брюллова. В 1834 году Захаров написал портрет Лермонтова. К 1838 году относятся портреты писателя А. Н. Муравьева, выполненные почти одновременно Захаровым и Лермонтовым. Сведения о судьбе Захарова, ставшие известными поэту, дали толчок творческому воображению Лермонтова. Любопытно, что строка «он был, казалось, лет шести» соответствует возрасту Захарова, родившегося в 1816 году и привезенного в Тифлис Ермоловым, когда ему было шесть лет. Захаров умер от туберкулеза в 1846 году, на тридцатом году жизни.

За три года до смерти он написал портрет А. П. Ермолова на фоне Кавказских гор; справа виднеется Мцхетский храм, а вдали горные хребты — родина художника. За эту картину Захаров получил звание академика. Поэма Лермонтова оказалась для Захарова сильнее реальности. Изображение главнокомандующего на фоне Мцхетского храма — не случайность. Это дань памяти автору „Мцыри“»³³.

Образ Ермолова, запечатленный Захаровым на полотне более полутора веков тому назад, востребован и в наши дни. Рельефные черты полководца, взятые именно с этого портрета, отчеканены ныне на медали Ермолова, учрежденной Институтом политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона, и на одной из памятных монет, выпущенных к двухсотлетию победы России в Отечественной войне 1812 года.

Считают, что Петр Захаров был знаком и с Лермонтовым и даже написал его прекрасный портрет в мундире лейб-гвардии Гусарского полка.

Для самого Лермонтова поэма о жизни и смерти пленного юноши-чеченца была одним из любимых творений. Он прочел ее на именинном обеде Н. В. Гоголя в Москве 9 мая 1840 года. «После обеда все разбрелись по саду, маленькими кружками, — вспо-

³³ Найдич Э. Э. Этюды о Лермонтове. — СПб.: Художественная литература, 1994. С. 192.

минал С. Т. Аксаков. — Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случились, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри», и читал, говорят, прекрасно»³⁴. Поэма была включена автором в его первый и оказавшийся единственным прижизненным сборник «Стихотворения», вышедший в Петербурге в 1840 году.

Высоко оценив это произведение, В. Г. Белинский писал, что стих поэмы «звучит и отрывисто падает, как удар меча, поражающего свою жертву». Критик, лично знавший Лермонтова, был убежден, что Мцыри — «любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью»³⁵.

Перед схваткой с барсом Мцыри испытывает «жажду борьбы и крови», причем испытывает неожиданно для себя, ибо прежде, говорит он, «рука судьбы вела меня иным путем». Чеченец, ставший русским художником, — это судьба, и рукой судьбы тут послужил сам Ермолов; может быть — не слишком доброй рукой, так как аул Дады-Юрт был уничтожен именно по его приказу. Вспомним, что портрет генерала художник подписал так, как и обычно это делал: «П. Захаров, из чеченцев». С трех лет не слышавший родной речи, выросший в русской семье и воспитанный в лоне русской культуры, он упорно выводил всякий раз на законченном полотне: чеченец. Родина бывает только одна.

«В полдневный жар в долине Дагестана...»

Имени этого человека в хрониках Кавказской войны всегда сопутствует эпитет «храбрый». Ранений у него было больше, чем наград. При штурме Варшавы, еще молодым офицером, он потерял глаз. На Кавказе получил пули в ногу, голову и в грудь навывлет. В Севастополе — две контузии и еще одну рану. Его наградили золотым оружием с надписью «За храбрость». Но более памятной, чем все ордена и награды, была для него маленькая серебряная медаль за Ахульго. Звали этого человека Мориц Христианович Шульц.

Путешествуя по Кавказу, знаменитый писатель Александр Дюма не упускал случая порасспросить кого-нибудь из бывалых кавказцев — с тем, чтобы заполучить еще одну невероятную историю для своих путевых записок. В Хасав-Юрте судьба свела его с молодым офицером — сыном генерала П. Х. Граббе, командовавшего в 1839 году штурмом «орлиного гнезда» Шамиля — крепости Ахульго.

По рассказам ветеранов, дополненным молодым Граббе, Дюма составил картину небывалого сражения, разгоревшегося в день решительного приступа.

«Сей день, — пишет Дюма, — был днем кровавой сечи, какой ни орлы, ни коршуны, парившие над вершинами Кавказа, никогда не видывали. Противники буквально плавали в крови; лестницы, с помощью которых влезали на стены, были составлены из трупов. Не слышно было воинственной музыки для ободрения сражающихся, она умолкла. Хрипение умирающих заменяло ее»³⁶.

Присутствие музыкантской команды в этой гигантской мясорубке, в которой обе стороны сражавшихся потеряли несколько тысяч человек, можно отнести к пылкой фантазии французского беллетриста, но в том, что при Ахульго состоялась одна из самых грандиозных битв Кавказской войны, сомневаться не приходится.

В бою принимал участие и тридцатитрехлетний штабс-капитан Генерального штаба Мориц Христианович Шульц. Имя этого храброго, толкового офицера, дослуживше-

³⁴ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. С. 317.

³⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: Изд. АН СССР, 1953. Т. IV. С. 543, 537.

³⁶ Дюма Александр. Кавказ. — Тбилиси, 1988. С. 59.

гося потом и до генеральских погон, могло бы, пожалуй, затеряться в кавказских хрониках, если бы не одно особое обстоятельство, отметина судьбы: Шульц стал прототипом или, в данном случае позволительно сказать, протогероем лермонтовского стихотворения «Сон».

Прежде чем поведать читателю этот драматический эпизод из его боевой судьбы, попробуем восстановить картину отчаянного штурма высокогорной твердыни Шамиля. Небольшая заметка об этих событиях содержится в воспоминаниях кавказского ветерана Г. И. Филипсона: «В 1839 году предполагалось соединить два большие отряда под начальством генерала Граббе, взять Ахульго и занять аул Чиркей. Отряды действительно соединились под Ахульго, но взять его оказалось гораздо труднее, чем думали. Впереди его была каменная башня, Сурхаева, а к ней можно было подойти только по узкому гребню, между двумя обрывами. Сделано было несколько неудачных приступов, прежде чем решились разбить башню ядрами и гранатами. Войска делали человечески возможное, но они били лбом в каменную стену...»³⁷

В нашем распоряжении имеется также и такой подробный и достоверный источник, как «Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане», составленное полковником Д. А. Милютиным. Напомним, что Дмитрий Алексеевич Милютин — товарищ Лермонтова по Московскому университетскому пансиону, человек блестяще одаренный и оставивший свой след в военной истории России. Двадцать лет он провел на посту военного министра и окончил карьеру в звании генерал-фельдмаршала. А под Ахульго, будучи еще поручиком, он провел все восемьдесят дней, в течение которых продолжалась осада. Военные действия достигли на этот раз тех мест, замечает Милютин, «куда до этого времени еще никогда русское оружие не проникало; они сопряжены были с такими затруднениями естественными и с таким упорным сопротивлением со стороны неприятеля, какие прежде едва ли встречались, а потому и успехи русских войск никогда, быть может, не стоили прежде стольких жертвований»³⁸.

Что же представляло собой это горное гнездо? Ахульго — не один аул, а два. Старый и Новый, занимавшие вершины двух почти отвесных утесов, разделенных глубоким ущельем реки Ашильты. Несколько бревен, переброшенных над пропастью, служили единственным мостом, по которому сообщались между собой жители аулов. Оба скалистых утеса, огражденные кругом отвесными и каменистыми обрывами, образуют как бы полуостров, огибаемый с трех сторон рекою Койсу. Над Новым Ахульго высится, почти отвесно, остроконечная вершина, на которую можно было взобраться только поодиночке. Здесь горцами была возведена неприступная Сурхаева башня. «...Вся местность вокруг обоих Ахульго чрезвычайно сурова и дика, — пишет Милютин, — горы каменистые, бесплодные, как будто все в трещинах. Горные потоки во многих местах низвергаются в пропасти с отвесных уступов»³⁹.

Шамиль собрал в Ахульго около четырех тысяч своих приверженцев, из которых более тысячи имели прекрасное вооружение. Человек сто самых отчаянных мюридов заперлись в Сурхаевой башне.

Силы русских состояли из нескольких батальонов регулярных кавказских полков, усиленных казаками и конной милицией. По горным перевалам к стенам Ахульго были доставлены три десятка артиллерийских орудий. Общая численность войск превышала десять тысяч человек. Руководил осадой генерал Граббе (в прошлом адъютант Ермолова), поклявшийся своим именем («граб» по-немецки значит «могила»), что возьмет Шамиля живым или мертвым. За голову имама было обещано сто червонцев.

³⁷ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1884. Кн. 1. С. 331.

³⁸ Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. — СПб., 1850. С. 1—2.

³⁹ Там же. С. 72.

Кольцо глухой блокады сомкнулось вокруг Ахульго 12 июня. По ночам саперы вели осадные работы, артиллерия без устали беспокоила неприятеля, в передовых секторах были собраны лучшие стрелки.

Первые попытки штурма не увенчались успехом, а только принесли ощутимые потери. Вскоре Сурхаева башня была разрушена русскими ядрами. Атака, предпринятая 17 августа, заставила Шамиля выкинуть белый флаг, а потом и выдать аманатом (заложником) старшего сына Джемалэдина.

Переговоры, на которые ушло несколько дней, не привели к результату, и Граббе отдал приказ к решительному штурму. Описывая события этого дня, Милютин изменяет своему сухому и точному стилю. «Горцы, несмотря на неминуемую гибель, ни за что не хотели сдаваться и защищались с исступлением: женщины и дети, с камнями или кинжалами в руках, бросались на штыки или в отчаянии кидались в пропасть, на верную смерть, — восклицает военный историк. — Трудно изобразить все сцены этого ужасного, фантастического боя: матери своими собственными руками убивали детей, чтобы только не доставались они русским; целые семейства погибали под развалинами саклей. Некоторые из мюридов, изнемогая от ран, и тут еще хотели дорого продать свою жизнь: отдавая уже оружие, они коварно наносили смерть тому, кто хотел принять его. Неимоверных трудов стоило выгнать неприятеля из пещер, находящихся в отвесном обрыве над берегом Койсу. Приходилось спускать туда солдат на веревках. Не менее тягостно было для войск переносить смрад, наполнявший воздух, от множества мертвых тел...»⁴⁰

Ахульго пал. Над вершинами скалистых утесов развевались русские знамена. Граббе доносил в рапорте: «22 августа был днем развязки экспедиции против Шамиля; я считаю дело конченным, хотя бы... возмутитель и успел спастись. Нет более ему веры в горах; нет более для него пристанища ни на утесах, ни в ущельях; нигде не может он найти место недоступнее бывшего гнезда его Ахульго и приверженцев храбрейших тех, которые жертвовали собою за него. Партия его истреблена вконец...»⁴¹

С выводами нетерпеливый генерал явно поторопился: впереди предстояло еще двадцать лет упорной и кровавой борьбы. К тому же войска понесли чувствительные потери. «Ахульго досталось нам дорогою ценою, — замечает Милютин, — за все время обложения и осады мы потеряли до 500 убитых и более 2400 раненых и контуженых; одних офицеров 23 убитых и 124 раненых»⁴². Но цели своей русские все же не добились: Шамилю с горсткой верных ему мюридов удалось укрыться в пещере на берегу реки Койсу, а потом ночью совершить побег, пробившись с боем через русские посты. Шамиль лишился в Ахульго жены Джавгарат и маленького сына Саида. Предел испытаний оказался слишком высоким для его старшей сестры Фатимат: закутав лицо платком, она бросилась в горную реку Койсу. Во время прорыва из окружения сын Шамиля Гази-Мухаммед получил штыковую рану в ногу. И все-таки Шамиль ушел, хотя и оставил в руках гяуров десятилетнего сына Джемалэдина. Ушел, растаял без следа, как пороховой дым среди скальных уступов.

Что касается Шульца, то под Ахульго он получил несколько пуль. В день последнего сражения, указывая путь штурмовой колонне, он был тяжело ранен в грудь на вылет. В горячке боя о нем не сразу вспомнили, и он еще долго лежал под палящими лучами среди павших. В минуты, когда сознание возвращалось к нему, он вспоминал о любимой девушке, оставшейся в России.

⁴⁰ Там же. С. 118–119.

⁴¹ Кровяков Н. Шамиль. — М., 1940. С. 40.

⁴² Милютин Д. А. Год на Кавказе. 1839–1840 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны. — СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2000. С. 252.

Граббе полагал наградить героя следующим чином. Но царь Николай I собственноручно начертил резолюцию о производстве Шульца в полковники. Его перевезли в госпиталь в Темир-Хан-Шуру, потом он лечился на водах в Пятигорске и за границей.

Вернувшись на Кавказ, Шульц встретил Лермонтова и рассказал ему свою историю. Это было в Ставрополе или Пятигорске (здесь сведения расходятся) и, скорее всего, в 1840 году. Лермонтов, переведенный тогда из гвардии в Тенгинский пехотный полк, участвовал в экспедициях в Чечне и Дагестане под командой генералов Граббе и Галафеева, в памяти которых еще отчетливы были апокалиптические картины разрушенного боем Ахульго. О Шульце заставляет вспомнить строка лермонтовского «Завещания» («Скажи им, что навывлет в грудь я пулей ранен, был...»), написанного в это же время.

Несколько позднее, в январе 1841 года, в Ставрополе, в доме Граббе с Лермонтовым познакомился инженер Андрей Иванович Дельви́г, передавший в своих воспоминаниях подробности тех дней, имеющие некоторое отношение и к битве при Ахульго. «За обедом всегда было довольно много лиц, — пишет Дельви́г, — но в разговоре участвовали Граббе, муж и жена, Трескин, Лев Пушкин, бывший тогда майором, поэт Лермонтов, я и иногда еще кто-нибудь из гостей. Прочие все ели молча. Лермонтов и Пушкин называли этих молчаливых картинною галерею. Лермонтова я увидел в первый раз за обедом 6-го января. Он и Пушкин много острили и шутили с женою Граббе, женщиною небольшого ума и малообразованною. Пушкин говорил, что все великие сражения кончаются на «о», как то: Маренго, Ватерлоо, Ахульго и т. д. Я тут же познакомился с Лермонтовым и в продолжение моего пребывания в Ставрополе всего чаще виделся с ним и Пушкиным. Они бывали у меня, но с первого раза своими резкими манерами, не всегда приличными остротами и в особенности своею страстью к вину, не понравились жене моей. Пушкин пил не чай с ромом, а ром с несколькими ложечками чая, и видя, что я вовсе рома не пью, постоянно угощал меня кахетинским вином... Лермонтов и Пушкин пришли меня проводить. Первый уверял, что по казачьим землям можно ездить только штаб-офицерам или с крестом на шее, иначе подвергнешься неприятностям со стороны казаков, и потому убеждал меня мой петличный Анненский крест надеть на шею. Конечно, я его не послушался»⁴³.

Сам Лермонтов в боях с горцами не получил даже царапины. Но видел вблизи и смерть, и кровь, буквально потоки крови — когда вода в горной реке становилась красной («мутная волна была тепла, была красна»). Граббе и другие командиры представляли его к наградам, в том числе и золотым оружием с надписью «За храбрость». Но ни в наградах, ни в любви Лермонтов не был так счастлив, как штабс-капитан Шульц...

Свою историю Шульц рассказывал много раз, прибавляя уже и ту замечательную подробность, что Лермонтов использовал ее как поэтический сюжет. Возможно, время стирало в его памяти какие-то детали. Возможно, его слушатели добавляли потом что-то и от себя. Услышанную от Шульца историю пересказывали потом генералы Степанов и Девель, встречавшиеся с ним во время турецкой войны 1877—1878 годов.

Более известны воспоминания Шульца (тогда уже генерала) в пересказе Г. К. Градовского. Молодым офицером наш герой сделал предложение родителям любимой девушки, но получил отказ. Его сочли не слишком выгодным женихом. Но она обещала ждать. Шульц отправился на Кавказ — заслужить чины и награды. За Ахульго он получил Георгиевский крест. Возвращаясь из-за границы, в Дрездене, возле Рафаэлевой Мадонны чудесным образом встретился со своей возлюбленной. Потом, на Кавказе,

⁴³ Дельви́г А. И. Мои воспоминания. — М., 1912. Т. 1. С. 297—298.

рассказал об этом Лермонтову. «Рассказал, — продолжает Шульц, — и Лермонтов спрашивает меня:

— Скажите, что вы чувствовали, когда лежали среди убитых и раненых?

— Что я чувствовал? Я чувствовал, конечно, беспомощность, жажду под палящими лучами солнца; но в полузабытьи мысли мои часто неслись далеко от поля сражения, к той, ради которой я очутился на Кавказе... Помнит ли она меня, чувствует ли, в каком жалком положении очутился ее жених.

Лермонтов промолчал, но через несколько дней встречается меня и говорит:

— Благодарю вас за сюжет. Хотите прочесть?

И он прочел мне свое известное стихотворение:

„В полдневный жар в долине Дагестана...“⁴⁴

«Сон» — одно из последних стихотворений, созданных Лермонтовым. Его автограф находится в тетради, которая была у поэта на Кавказе в 1841 году. Возможно, Лермонтов написал его незадолго до роковой дуэли в Пятигорске. Но был ли здесь в это время Шульц? Ах, если бы это доподлинно знать...

«Сон» часто называют самым многозначительным и загадочным стихотворением Лермонтова. Д. С. Мережковский видел в нем «воспоминание будущего», то есть мистическое пророчество Лермонтовым своей собственной судьбы. В. С. Соловьев назвал его «сном в кубе», а В. В. Набоков — «тройным сном» и считал, что «витки этих пяти четверостиший сродни переплетению пяти рассказов, составивших роман „Герой нашего времени“»⁴⁵.

Но вернемся к нашему герою. До 1855 года он служил на Кавказе, в чине генерал-майора занимал пост коменданта Александропольской крепости. Это был, по словам современника, «весьма эксцентричный, но увлекательный и храбрый человек, тот самый, который, служа в генеральном штабе, был сильно ранен под Ахульго»⁴⁶. Испросив отпуск якобы для лечения старых ран, он устремился в осажденный Севастополь, откуда привез новое ранение, две контузии и золотую саблю с бриллиантами и надписью «За храбрость». Потом был комендантом крепости Динамюнде, участвовал (в возрасте 70 лет!) в русско-турецкой войне и окончил службу в чине генерала от кавалерии.

Приведем еще одно воспоминание о Шульце — генерала Девеля, встречавшегося с ним при штабе М. Т. Лорис-Меликова во время турецкой кампании:

«Как теперь его вижу, небольшого роста, тоненький, с седою бородою, в конно-артиллерийском сюртуке, с „Георгием“ в петлице и „бриллиантовую“ саблюю сбоку, едущего в стороне от всех на небольшой светло-рыжей лошадке... Я подъехал к генералу Шульцу с целью обменяться событиями дня, и он вдруг меня спросил:

— Вы видели, как переносили раненного майора Гоппе?

На мой утвердительный ответ он возразил:

— Черт знает, как при переноске беспокоят раненого, и советую вам, если вас ранят, то лежите спокойно.

Я удивился и из уважения к старику-генералу не возражал.

— А на Ахульго, — продолжал он, — я был ранен в грудь навывлет и целую ночь пролежал среди убитых и этому только обязан, что остался жив, — кровь сама собой остановилась. В Пятигорске, где я лечился от ран, я рассказал Лермонтову про свою рану и посоветовал ему, так же как и вам, не позволять себя трогать, если он будет ранен

⁴⁴ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. С. 392.

⁴⁵ Новый мир. 1988. № 4. С. 190.

⁴⁶ Русско-турецкая война за Кавказом в 1853 и 1854 гг. Из записок генер. от инфант. М. Я. Ольшевского // Русская старина. 1884. Октябрь. С. 175.

в экспедиции против горцев. А через несколько дней он мне прочел свое чудное стихотворение, написанное им по поводу моего рассказа...»⁴⁷

В военных записках «Под Карсом», принадлежащих перу ветерана кавказских битв генерала П. Ф. Степанова, приводится еще один вариант истории Шульца, рассказанной им самим. Новых подробностей Степанов не сообщает, но называет Шульца спартанцем и восхищается тем, как этот «среднего роста, тщедушный старик, притом израненный, равнодушно и без ущерба здоровью, переносил все невзгоды походной жизни, тяготившей и молодых людей... Генерал Шульц, — продолжает Степанов, — был интереснейший собеседник, охотно предававшийся воспоминаниям о событиях давно минувших лет, и однажды привлек общее внимание рассказом об одном странном случае из его богатой приключениями молодости, когда он в чине штабс-капитана Генерального штаба участвовал в одной из экспедиций в Дагестане в отряде генерала Граббе. В жестоком бою, при штурме Ахульго, он был тяжело ранен пулей в грудь и свалился в кручу; завалы между тем были взяты, и горцы бежали, преследуемые нашими войсками, не заботившимися в пылу боя о раненых и убитых, почему Шульц и пролежал в обмороке несколько часов, никем не замеченный, и только случайно был найден со слабыми признаками жизни; после перевязки он уснул, и грезился ему блестящий бал на родине, и какая-то грустно на него глядящая девушка, черты которой глубоко врезались в его памяти... Оправившись несколько, поехал он доканчивать лечение в Пятигорск, где и рассказал Лермонтову свое видение, послужившее нашему бессмертному поэту темой для одного из прелестнейших его стихотворений „Сон“. Но увлекательнее всего то, что Шульц впоследствии встретился на одном бале с виденной им во сне на боевом поле особой и женился на ней. Присутствовавший при этом рассказе полковник граф Граббе добавил, что его отец в представлении к наградам наиболее отличившихся офицеров против штабс-капитана Шульца написал такую реляцию: „Первый при штурме, последний при отступлении. В три дня четыре раны: полагаю награждать следующим чином“. Но император Николай Павлович соизволил произвесть штабс-капитана Шульца прямо в подполковники»⁴⁸.

В 1964 году «Военно-исторический вестник», издаваемый в Париже Обществом ревнителей русской военной старины, посвятил М. Х. Шульцу небольшую статью. Интересно, что в этом же номере помещен и очерк Л. С. Пенькова «От Темир-Хан-Шуры до Ахульго». Автор посетил места былых сражений в 1914 году и вот что увидел тогда на горных уступах:

«Напрасны были мои поиски обнаружить какие-либо остатки грозной твердыни Шамиля. Все было взорвано и уничтожено при взятии Ахульго... Вероятно, сам Шамиль, как трезвый реалист, вполне сознавал, что защита Ахульго была безнадежна. В течение нескольких недель 20 русских орудий поливали снарядами гору вдоль и поперек. При скученности защитников на небольшой площади им было невозможно устоять. Да, защитники Ахульго при штурмах оказывали безумную храбрость и героизм. Участники взятия Ахульго свидетельствовали, что даже женщины, переодевшись в мужское платье, становились с оружием в руках рядом с мужчинами на завалах...»⁴⁹ Даже семьдесят пять лет спустя после штурма земля Ахульго была усеяна пулями и картечью.

За Ахульго Шульц получил в награду не только Георгиевский крест. Была установлена и серебряная медаль на георгиевской ленте — единственная, насколько нам

⁴⁷ Топорков Ю. Мориц Христианович фон Шульц, современник Лермонтова // Военно-исторический вестник (Париж). 1964. № 24. С. 24.

⁴⁸ Городецкий Сергей. Lermontiana // Кавказское слово. 1919. 10 августа. № 163.

⁴⁹ Пеньков Л. С. От Темир-Хан-Шуры до Ахульго // Военно-исторический вестник (Париж). 1964. № 24.

известно, за всю шестидесятилетнюю историю Кавказской войны медаль, посвященная отдельному сражению. На одной ее стороне значилось: «За взятие штурмом Ахульго 22 авг. 1839 г.». Другую украшал вензель Николая I.

Можно ли отнести к боевым наградам Шульца стихотворение Лермонтова? Если да, то эта награда, как и все остальные, была оплачена кровью.

Храбрец Шулец передавал слова Лермонтова о том, что тот и сам хотел бы пройти через испытания, выпавшие на долю нашего героя: «Какая жалость, что я не попал под Ахульго, это, говорят, была удивительная экспедиция... Ах, я желал бы все испытать. Конечно, я пережил бы, так же, как и вы, тяжелые минуты, но все-таки желал бы их испытать...»⁵⁰

Кто знает, какие бессмертные творения мог оставить нам поэт, пройди он через адское пламя, полыхавшее на вершинах Дагестана. Но Ахульго — не Бородино, и дальше зарево этой битвы теперь едва различимо в исторических потемках. Нерукотворным же памятником ее героям навсегда остался лермонтовский «Сон».

«Он ранен был в бою у леса...»

Отправляясь в 1858 году в Россию, знаменитый французский романист Александр Дюма обещал читателям своего журнала «Монте-Кристо» подвести их к «скале, к которой был прикован Прометей», и «посетить стан Шамиля, этого другого титана, который в своих горах борется против русских царей». Популярность Дюма в России была невероятной. Его встречали так, что в одном из писем той поры писатель сравнивал великолепное русское гостеприимство с золотыми рудниками Урала. Даже Императорский фарфоровый завод выпускал изящные фигурки, изображавшие персонажей романа «Три мушкетера».

Российская столица встретила писателя как самого дорогого гостя. «Петербург принял г. Дюма с полным русским радушием и гостеприимством... да и как же могло быть иначе? — писал в „Петербургской жизни“ И. И. Панаев. — Господин Дюма пользуется в России такую же популярностью, как и во всем мире между любителями легкого чтения, а легкие чтцы составляют большинство в человечестве...»

Из Петербурга Дюма отправился в Москву, а оттуда через Нижний Новгород по Волге в Астрахань и дальше — в Кизляр. Преодолеть бескрайние российские просторы было не так просто. Обладая метким взглядом и острым умом, Дюма очень скоро уяснил себе, что «в России все зависит от *чина*». А потому, отправляясь в дальний путь, постарался придать себе генеральский вид: облачился в форменный костюм русского ополченца и за неимением российских наград украсил свой походный мундир испанской звездой Карла III. Расчет писателя вполне оправдался и обеспечил ему беспрекословное содействие местных властей: повсюду в провинции его именовали не иначе как «ваше высокопревосходительство», принимая за важного генерала. И Дюма успешно справлялся с этой ролью, выучив несколько самых необходимых русских слов. Принимая рапорт, коротко кивал: «Хорошо», а полагавшийся ему вооруженный конвой бодро приветствовал, привстав в тарантасе: «Здорово, ребята!»

Путешествие Дюма по России и Кавказу, как ни парадоксально, стало фактом русской литературы: в одной из статей о нем упоминает Ф. М. Достоевский. На выход в свет путевых записок Дюма он откликнулся едкой насмешкой: иной парижский путешественник, «пожалуй, напишет свое путешествие в Париже еще прежде поездки в Россию, продаст его книгопродавцу, и уже потом приедет к нам — блеснуть, пле-

⁵⁰ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. С. 605–606.

нить и улететь... Схватив первые впечатления в Петербурге, выучив мимоходом русских бояр (*les boyards*) вертеть стол, он решается, наконец изучить Россию основательно, в подробностях, и едет в Москву... Затем путешественник едет далее, восхищается русскими тройками и появляется, наконец, где-нибудь на Кавказе, где вместе с русскими пластунами стреляет черкесов, сводит знакомство с Шамилем и читает с ним „Трех мушкетеров“»⁵¹.

Так или иначе, путешествие продолжалось. Дюма проявил интерес к кавказскому оружию и одежде: известен фотоснимок, где писатель позирует в черкеске и папахе, с кинжалом и шашкой. Посетив Баку, Шемаху и ряд других достопримечательных мест, Дюма встретил новый 1859 год в Тифлисе, а потом из Поти на пароходе «Сюлли» отбыл в Марсель.

Вернувшись во Францию, Дюма выпустил три тома путевых записок под общим названием «Кавказ». В книгу писатель поместил и несколько понравившихся ему стихотворений Лермонтова в своих переводах: «Дары Терека» попали в главу «Абрек», а восемь остальных оказались в главе «Цитаты». Все они хорошо известны русскому читателю в оригинале. Все, кроме одного — стихотворения «Раненый».

Это не могло быть случайностью или ошибкой. Дюма был отлично осведомлен о русских литературных делах. В Дербенте он интересовался судьбой опального декабриста и писателя Александра Бестужева-Марлинского, некогда отбывавшего здесь годы подневольной солдатчины, а потом во Франции выпустил увлекательный роман «Султанетта», представлявший собой перевод-переделку повести Бестужева «Аммалат-Бек».

Что касается Лермонтова, то еще в 1855 году в журнале Дюма «Мушкетер» печатался перевод «Героя нашего времени», а в России в его распоряжении оказался прекрасный очерк жизни и творчества русского поэта, присланный ему Евдокией Ростопчиной. С Додо, как звали ее друзья, Лермонтов был знаком с юности. Посвящал ей стихи. Ее имя он упомянул в последнем письме из Пятигорска к бабушке своей Е. А. Арсеньевой: «Напрасно вы мне не послали книгу графини Ростопчиной; пожалуйте, тотчас же по получении моего письма пошлите мне ее сюда в Пятигорск...» Они особенно сблизились в последние годы, и вряд ли кто-то еще из друзей поэта мог бы нарисовать столь живой и психологически достоверный его портрет.

Послание Ростопчиной с рассказом о Лермонтове Дюма полностью поместил в своей книге, посвятив ему отдельную главу — «Письмо». В ее записках есть одна деталь, отчасти объясняющая, почему Дюма перевел и напечатал «Раненого», без колебаний приняв его за лермонтовский шедевр.

Ростопчина сообщает о поэте, что, находясь на Кавказе, «каждый раз только он оканчивал, пересматривал и исправлял тетрадь своих стихотворений, он посылал ее к своим друзьям в Санкт-Петербург. Эта пересылка была причиной того, что мы должны оплакивать потерю некоторых из его лучших сочинений. Тифлисский курьер, часто преследуемый чеченцами или кабардинцами, подвергаясь опасности упасть в поток или в пропасть, переправляясь вброд, где иногда для спасения самого себя он бросает вверенные ему пакеты, утратил две или три таких тетради Лермонтова. В частности, это случилось с последней, которую Лермонтов послал было к своему издателю, но она затерялась, и у нас остались только наброски стихотворений, содержащихся в этой тетради»⁵².

Всего в книге Дюма содержится восемь его переводов лермонтовских стихотворений («Дары Терека», «Дума», «Спор» и другие) и, сверх того, еще одно — «Le blessé»

⁵¹ Дурьлин С. Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство. Т. 31–32. С. 554.

⁵² Дюма А. Кавказ. — Тбилиси: Мерани, 1988. С. 173.

(«Раненый»), публикацию которого знаменитый романист предварил особым замечанием: «Мы выписали из одного альбома стихотворение, которого нет в собрании сочинений Лермонтова...» И это отсутствие Дюма объяснил, ссылаясь на слова Ростопчиной о потерянной тетради: «...возможно, оно составляло часть той, последней посылки, которую потерял курьер»⁵³.

Предполагают, что этот рукописный альбом мог принадлежать Ростопчиной. И действительно, уезжая на Кавказ, Лермонтов подарил ей альбом и вписал туда посвященное ей стихотворение:

Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены...
(Графине Ростопчиной. 1841)

Но этот альбом до нас не дошел. Другого же альбома, откуда Дюма мог выписать «Раненого», да и вообще русского оригинала этого стихотворения тоже никому обнаружить не удалось. Какие же есть основания считать неизвестный нам исходный русский текст лермонтовским?

Первый биограф поэта П. А. Висковатый, редактируя первое полное собрание его сочинений (1889), поместил стихотворение (во французском переводе Дюма) в разделе приложений и сделал осторожное предположение:

«Между стихотворениями нашего поэта мы такого не знаем и откуда мог его получить Дюма нам неизвестно. Характер стихотворения пожалуй и подходит к поэзии Лермонтова и мы думаем, не есть ли этот перевод только весьма вольное подражание стихотворению Лермонтова „Завещание“»⁵⁴.

Самое интересное, что Висковатый предлагает свой стихотворный (обратный!) перевод с французского:

Как зверь подстреленный, у леса он лежал...
Вокруг безмолвная природа.
Сочилась кровь — он тихо умирал
Без ласки теплой и ухода.
А думы вдаль летят — минуты сочтены;
И в нем сильней тоска и муки —
Он знает, что забыт, хоть ею полны сны,
Хоть к ней простер хладеющие руки.

Высказывалось и прямо противоположное мнение, и высказал его глубокий и тонкий исследователь — Б. М. Эйхенбаум. В комментариях к полному собранию сочинений Лермонтова, выпущенному издательством «Academia» в 1936 году, он писал, что «предположение Висковатова неправдоподобно: стихотворение, приведенное у Дюма, не имеет ничего общего с „Завещанием“».

Там же дается подстрочный перевод французского текста:

«Видите ли вы этого раненого, который в судорогах лежит на земле? Он умрет здесь, у пустынного леса, и никто не облегчит его страданий; но кровь из его раны сочится с удвоенной силой и боль сердца особенно жестока потому, что, погружаясь в воспоминания, он знает, что забыт»⁵⁵.

⁵³ Там же. С. 175.

⁵⁴ Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. I. — М.: Издание В. Ф. Рихтера, 1889. С. 358.

⁵⁵ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. — М.; Л.: Academia, 1936. Т. 2. С. 273.

На этом история «Раненого» не кончается: нам известны еще, по крайней мере, два интересных перевода этого стихотворения на русский язык. Но об этом несколько ниже. А теперь попробуем ответить на главный вопрос: есть ли основания считать исходный текст лермонтовским?

Рассмотрим три мотива, характерных для Лермонтова и отчетливо присутствующих в тексте «Раненого».

Время и место. В стихотворении «Раненый» не обозначены конкретные признаки времени и места, у Лермонтова же там, где стихотворный сюжет разворачивается в реальном внешнем пространстве, оно всегда имеет четкие топографические ориентиры. Действие, как правило, и начинается с обозначения обстоятельств времени и места:

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул...
(Аул Бастунджи.1833–1834)

В полдневный жар в долине Дагестана...
(Сон. 1841)

Особенно характерно в этом отношении стихотворение «Валерик»: автор-рассказчик, едва начав повествование о боевых действиях, прерывает себя, чтобы обозначить место событий:

Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес...

Поэту нет дела, что его читатель никогда до этого не слышал и никогда больше не услышит название горского селения Гехи, он навсегда вписывает его в свой текст, имея в виду какую-то понятную только ему художественную цель.

Определение времени и места события сопровождается у Лермонтова и другими уточняющими приметами внешнего мира, из которых можно выделить столь любимые им, художником, цветовые признаки. Здесь и «чета белеющих берез», и старинная башня, что стоит, «чернея на черной скале», там, «в глубокой теснине», «во мгле», где вообще, кажется, никакой цвет различить нельзя. Для краткости обратимся лишь к одному кавказскому батальному стихотворению — «Я к вам пишу...» («Валерик»):

Кругом белеются палатки...
Люблю я цвет их желтых лиц...
...один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит...
Сейчас, смотрите: в шапке черной...
Мы проходили темный лес...
...пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес...
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами...
...мутная волна
Была тепла, была красна...

Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом...

(*Валерик. 1840*)

Представлен почти весь спектр, только вместо голубого — лазурно-яркий и не хватает экзотических оранжевого и фиолетового, отсутствие которых понятно и восполняется замечательным набором: белый, черный, светло-серый, темный.

Объемы «Валерика» и «Раненого» несравнимы, но сопоставление их все же показательно в том смысле, что «Раненый» для Лермонтова слишком беден и бледен.

Ранение. Рана. Кровь. Весьма характерный для Лермонтова мотив, однако реализуемый у него несколько иначе, нежели в переводном тексте Дюма: описание ранения, если и не детальное, то всегда имеющее ряд уточняющих указаний:

С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя...

(*Сон. 1841*)

Скажи им, что навyleт в грудь
Я пулей ранен был...

(*Завещание. 1840*)

...Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась...

(*Валерик. 1840*)

То же и в прозе. Рассмотрим три самых известных трагических эпизода из трех частей «Героя нашего времени»: смерть Бэлы, смерть Грушницкого и смерть Вулича.

Казбич поразил Бэлу ударом кинжала. Об этом мы узнаем со слов Максима Максимиыча: «Бедняжка, она лежала неподвижно, и кровь лилась из раны ручьями... Такой злодей: хоть бы в сердце ударил — ну, так уж и быть, одним разом все бы кончил, а то в спину... самый разбойничий удар!»

О Грушницком Вернер сообщает в записке Печорину, что «тело привезено обезображенное, пуля из груди вынута».

Вулича казак ударил «шашкой, и разрубил его от плеча почти до сердца».

В «Раненом» ничего подобного нет.

Одиночество, забвение и душевные муки, связанные с ними. Здесь само собой напрашивается сравнение «Раненого» с лермонтовским «Сном», ибо не вызывает сомнений сходство внешней ситуации, нарисованной в том и другом стихотворении: некто, раненый и забытый, находится в пустынной местности, испытывая физические и душевные муки.

Но «Раненый» этой ситуацией исчерпан до дна — весьма неглубокого, как в смысле поэтических средств, так и в смысле психологизма. Чем же принципиально отличен от него «Сон»?

В восьми первых строках Лермонтов создает ту же исходную ситуацию — создает сильными, яркими ударами кисти, и поразительная жадность к подробностям бытия,

пожалуй, даже подводит его, ибо герой «Сна» успевае́т подметить и почувствовать слишком много (даже противоречиво много) для смертельно раненного человека: место и время события, причем время с точностью до часа — полдень; природные условия в текущий момент («жар», «солнце жгло»); рельеф и цвет окружающего горного ландшафта («уступы скал», «желтые вершины»); характер грунта («на песке»).

О себе герой сообщает, что ранен пулей в грудь, причем пуля не прошла навывлет, что рана глубокая и дымящаяся, кровотечение из нее незначительное («кровь точилась») и он успевае́т почувствовать каждую потерянную ее каплю, что следствием ранения явилось тяжелое бессознательное состояние («лежал недвижим», «спал я мертвым сном»).

Но самое главное, впрочем, даже не это. Если в «Раненом» изображенная ситуация представляет собой конечную художественную цель, то для «Сна» это всего лишь исходный момент, за которым происходят главные события сюжета. Причем — и это принципиально важно — действие теперь устремляется в иные сферы, весьма удаленные по обстоятельствам времени и места от исходных.

Для Лермонтова это весьма характерный прием построения лирического сюжета: рисуя то, что реально присутствует перед нами, он переходит к изображению того, что реально отсутствует и что составляет, собственно, художественную цель его медитативной лирики. И именно это разнит исследуемые тексты так глубоко, что не оставляет, кажется, сомнений в принадлежности их если не разным авторам, то, во всяком случае, разным способам поэтического мышления.

«Раненого» больше не включают в собрания сочинений Лермонтова. Но такова, видимо, магия поэзии, что, соприкоснувшись однажды с великими именами, это стихотворение продолжает жить своей особой судьбой. Записки Дюма на русском языке выходили дважды: в 1861 году в Тифлисе и там же в 1988-м, когда издательство «Мерани» выпустило прекрасно иллюстрированную книгу с дополненным переводом и необходимыми комментариями. Подготовил эту книгу М. И. Буянов, предложивший еще один перевод «Раненого»:

Узрели ль вы несчастного,
Что в корчах пал на землю
Пред лесом опустевшим?
Никто не облегчит его печали,
А кровь сочится из больного сердца.
И он ушел в свои воспоминанья,
Поняв, что всеми позабыт давно.

В 1989 году поэт Ал. Бакалеев выполнил вольный стихотворный перевод с французского, который мы предлагаем суду читателя:

Он ранен был в бою у леса
Шальною пулею черкеса.
Прошла навывлет в левый бок,
Судил ему так русский бог.
Земля чужая кровь впитает,
И смерть над ним уже витает.
Но что страшнее смертной муки,
Никто к нему не тянет руки.
Нет, он не пулею убит,
А тем, что здесь один забыт.

Древние говорили, что книги имеют свою судьбу. Кто знает, не найдется ли тот рукописный альбом, в котором автор «Трех мушкетеров» впервые увидел эти стихи? В истории «Раненого» есть еще непрочитанные страницы...